

A movie poster featuring a man and a woman. The man, in the background, has light brown hair and a beard, wearing a dark blue suit and white shirt. The woman, in the foreground, has long black hair and blue eyes, wearing a strapless dress. The background is dark with warm, golden light rays.

**НАТАЛЬЯ
МАСАЛЬСКАЯ**

**ОТЕЦ
ЖЕНИХА**
Порочная связь 18+

Наталья Масальская

Отец жениха. Порочная связь

«Автор»

2021

Масальская Н.

Отец жениха. Порочная связь / Н. Масальская — «Автор», 2021

После той страшной боли, которую Милен испытала несколько лет назад, в ее жизни, себя наконец, воцарилась гармония. Ей двадцать шесть. Она никогда не ощущала себя так хорошо. Сейчас она ехала на встречу с родителями жениха, повторяя про: «Я чувствую себя шикарно! Я точно знаю, чего хочу и как этого добиться». Если бы Милен знала, насколько легкомысленны эти слова.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	31
Глава 7	39
Глава 8	48
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Наталья Масальская

Отец жениха. Порочная связь

Глава 1

Сегодняшний день был очень волнителен для Милен. После той страшной боли, которую она испытала несколько лет назад, в ее жизни, наконец, воцарилась гармония. Ей двадцать шесть. Она никогда не ощущала себя так хорошо, как сейчас. В последнее время Мила любила повторять себе: «Я чувствую себя шикарно! Я точно знаю, чего хочу и как этого добиться». Если бы Милен знала, насколько легкомысленны эти слова.

Но сейчас Милен нервничала. Конечно, знакомство с родителями трудно назвать ужасающим событием, но и их предстоящая свадьба с Полем отличалась от тысячи таких же, которые видел этот вечный город любви. Они не были влюбленными голубками, которые ждут не дождутся, когда смогут назваться мужем и женой. Словно это может что-то изменить.

Милен давно не питала иллюзий насчет брака, наблюдая не очень счастливую жизнь родителей. Последние полчаса, пока ехала по загородной дороге к шато своих будущих родственников, старалась отогнать сомнения. Пыталась отвлечься на разную ерунду вроде перечисления фамилий своих бывших одноклассников.

Звук телефонного звонка прервал ее мысли, и она нажала «ответить» на дисплее бортового компьютера.

– Ну ты где? – раздался из динамиков голос Поля.

– Подъезжаю, – с улыбкой бросила она. – Уже у ворот.

Машина зашелестела колесами по подъездной дорожке, оставив у Милы внутри лишь страх и неуверенность.

– Привет, – Поль открыл дверцу машины, помогая ей выйти.

Миниатюрная брюнетка – длинные волосы, большие синие глаза, казалось, они сделаны из хрусталя – холодные, пронзительно-синие, переливающиеся каким-то внутренним светом. Это то, что запоминалось при первой встрече с ней. Широкие белые брюки, полупрозрачная бежевая блузка, сумочка в цвет и золотистые балетки – ее выбор этого теплого майского дня.

За белыми шапками цветущих яблонь, она увидела роскошный дом. Даже не дом, а особняк в викторианском стиле. С широким крыльцом и огромной тенистой террасой, причудливо увитой молодым плющом. Они взбежали по каменным ступеням крыльца.

– Готова? – Мужчина сжал в качестве поддержки кончики ее пальцев и позвонил. За дверью послышались торопливые шаги. Им открыла изящная женщина, на вид лет сорока: среднего роста с пышными светлыми волосами, мягко обрамляющими ее очаровательное лицо. Она отступила, впуская гостей в дом. Стоило им переступить порог, женщина крепко прижала сына к груди.

– Ну наконец-то! Как я рада.

– Мама, это – Милен, – представил Поль спутницу, стоило матери выпустить его из объятий. – Милен, это – мадам Бушэми.

– Ну что ты, дурачок. Просто Тереза, – протянула она Миле руку. – Мы думали, вы приедете еще вчера. Папа даже взял выходные, – заговорщически понизив голос сообщила она, после чего повела всех в гостиную. Нежно-голубые тона, камин в центре и витражное окно во всю стену, произвели на Милу впечатление.

– Потрясающе, – вырвалось у нее.

– Да, моя дорогая, действительно – потрясающе. Мы живем в этом доме уже почти двадцать лет, но я не перестаю удивляться его красоте. Его построил отец Поля. А вот, кстати, и он.

Она, церемонно вытянув перед собой руки, направилась к двери, в которую они только что вошли.

– Ну, наконец-то. Мама уже вся извелась, – раскатился по комнате низкий бархат, пустив по спине Милен холодок.

Она медленно развернулась и на секунду замерла. Перед ней стоял высокий, хорошо сложенный мужчина лет пятидесяти в чертовски официальном костюме. Он явно принадлежал к тому счастливому типу мужчин, которым годы шли на пользу. Его светлые с проседью волосы, зачесанные назад, открывали высокий, практически не тронутый морщинами лоб. Лишь одна, но довольно глубокая, залегла между широких изогнутых бровей, что выдавало в нем человека, занимающегося умственным трудом. Прямой, с небольшой горбинкой нос и плотно поджатые тонкие губы делали его лицо не просто серьезным, даже строгим. Если описать то, что она увидела, одним словом, это слово было бы – власть. Мила едва заметно улыбнулась и подошла ближе.

– Отец, это – Милен. Мила, это – мсье Бушэми.

Чуть заметная снисходительная улыбка тронула тонкие губы мужчины.

– Рад, – подчеркнуто вежливо сказал он и слегка сжал в ладони ее протянутую руку.

Его взгляд лишь на секунду задержался на лице Милен, но этого хватило, чтобы ее ладони вспотели.

– Ну, когда все в сборе, можно приступить к обеду. Луиза накрыла для вас потрясающий стол.

Тереза с Полем, обнявшись, направились в столовую. Доставшийся Миле в провозятые грозный истукан учтиво предложил руку и повел ее следом. Рука мужчины показалась ей жесткой, а сам он очень высоким. Хрупкая Мила едва доставала ему до плеча, и отчего-то чувствовала себя совершенно незащищенной. Ее ощущения можно было назвать предчувствием катастрофы, она девушка поспешила списать все на обычное волнение.

Церемонность, которая сопровождала, казалось бы, непринужденный семейный ужин, держала девушку в тонусе до самого его окончания. Правда, Тереза оказалась прекрасной женщиной: открытой и радушной. Она всеми силами пыталась сгладить холодность и чопорность мужа, один взгляд которого доводил Милу до нервной дрожи.

Покончив, наконец, с дежурными вопросами и изысканным обедом, вся компания поднялась из-за стола и направилась в гостиную выпить по бокальчику вина в более непринужденной обстановке. Глава семейства, к огромному облегчению Милен, с ними не пошел. Сославшись на дела, он спешно уединился в своем кабинете.

Они пересели на мягкие диваны, где на столике их ждала бутылка белого вина и пара тарелок с сыром и фруктами. Слушая болтовню будущей свекрови и жениха, Мила ловила себя на мысли, что Поль совсем не похож на отца. В нем не было ни его волчьего взгляда, заставляющего чувствовать себя не в своей тарелке. Ни неприступной линии губ, которые, казалось, могут только повелевать, вне зависимости от ситуации, ни властной пластики. Поль был как мать: легким и слегка сумасбродным красавчиком, который точно знал о гипнотической силе своей красоты. Она привлекала к нему множество мужчин и женщин, которые становились не просто друзьями – все они были его обожателями. Видимо, именно красота так повлияла на его характер. Она позволяла ему получать все. Все, что он хотел, или просто думал, что хотел. Но Мила знала его лучше других. Она видела за всей этой мишурой неуверенного, надломленного юношу. Чуткого, преданного, желающего, чтобы его просто любили. Теперь она даже знала, чьей любви он так отчаянно добивался.

– Вы, наверное, устали с дороги? – заметив отрешенность Милы, произнесла Тереза. – Провожу вас в ваши комнаты. Не смущайтесь, но наш папа строгих взглядов. Он считает недопустимым, если под крышей его дома находится неженатая пара, занимающая одну кровать, – объяснила Тереза.

– Даже так. Черт возьми, я целую неделю переживала, что мне придется спать с тобой в одной постели, – вполголоса сказала Мила и толкнула Поля плечом.

– Вот только избавь меня от твоего сарказма, – тот наградил ее своей коронной снисходительной улыбкой и снова уставился в спину идущей впереди матери.

– А он, вообще, в курсе, что ты уже не девственник? – продолжала язвить Милен.

– Вряд ли, – с абсолютно каменным лицом ответил Поль, даже не посмотрев на нее.

Наконец Тереза остановилась.

– Твоя комната, Милен.

Она налегла на витую бронзовую ручку и открыла дверь. Причудливый красноватый свет коридора, создаваемый шелковыми абажурами настольных ламп, тут же поблек под напором ворвавшегося из открытой двери заходящего солнца. Милен осторожно прошла мимо пропускающей ее вперед Терезы.

Дом удивлял девушку на каждом шагу. В нем было много света и воздуха. Довольно яркие цвета интерьеров, множество деталей отделки. Все это не вязалось с тем чопорным господином, которого ей представили как главного архитектора этого творения.

– Она потрясающая, как и весь ваш дом!

– Отец Поля – коллекционер, он собирал эти вещи много лет, поэтому дом выглядит так восхитительно, – объяснила Тереза.

– Такое смелое смешение стилей, я бы даже сказала, что он виртуозно выстроил пространство, – с восхищением продолжила Мила.

– Милен очень любит архитектуру, – пояснил Поль между делом.

– Но как? Признаться честно, мсье Бушеми не производит впечатления тонкого знатока искусства. Я бы сказала, что он работает в министерстве.

– А он и работает в министерстве. Он заместитель министра, —сыронизировал Поль.

– Теперь я совершенно растеряна.

Глава 2

– Не спишь? – в дверь просунулась белобрысая шевелюра Поля.

Не дожидаясь разрешения войти, он быстро прикрыл за собой дверь и, в несколько шагов преодолев расстояние до массивной кровати, залез под одеяло.

– Ну, как впечатления? – спросил он, устраивая свою вихрастую голову Миле на колени вместо откинутой в сторону книги.

– Сложно сказать, но Тереза меня очаровала. Ты прав: она замечательная. Что касается твоего отца, думаю, я ему не понравилась. Хотя если судить по тому, что ты рассказывал о нем, – это просто моя паранойя, – она усмехнулась, запустив пальцы в его мягкие кудри.

– Ты права, это просто паранойя. Поверь мне, каждый раз, приезжая домой, я начинаю думать, что тоже ему не нравлюсь, – Поль совершенно непринужденно улыбнулся. – У каждого свои тараканы, а у него их – тьма-тьмущая. Как, интересно, можно так жить, постоянно контролируя себя? Я не помню, чтобы даже в детстве он во что-то играл со мной. Ну, знаешь, там в баскетбол, футбол, в прятки, на крайняк. А, в шахматы играл. Да, еще он постоянно гонял меня по географии. Вот ты, к примеру, знаешь столицу Папуа – Новой Гвинеи? – он чуть помедлил, давая ей шанс удивить его. – Что, нет? Порт-Морсби. Ну вот, теперь и ты в курсе, – он с какой-то странной злобной усмешкой посмотрел на нее, словно ждал упрека.

– И что в этом плохого? – Мила внимательно, без тени иронии смотрела на него. – Или тебе обидно, что вместо футбола он гонял тебя по географии? Знаешь, Поль, каждый человек проявляет любовь и заботу по-своему. Значит, он именно так понимал слово «воспитание». Твоя претензия была бы обоснованной, если бы ты сказал мне, что вообще не видел его дома, как я своего, – она непринужденно вскинула брови, как бы заранее обесценивая то, что он еще мог ей возразить. – Слушай, а ничего, что мы останемся здесь на две недели? – спросила Мила, меняя тему разговора. – Мы не стесним твоих родителей?

По лицу Поля расплзлась кривая злорадная ухмылка:

– Струсила?

– Не дождешься. Просто здесь все так чисто, чинно, с моей-то любовью к хаосу, – она попыталась завуалировать проскользнувшую в голосе неуверенность под личиной вежливого участия, но Поль уже почуял слабинку. Он перевернулся набок и, подперев голову рукой, вцепился вопросительным взглядом в ее смущенную физиономию.

– И не нужно на меня так смотреть, я просто плохо знаю твоих родителей, вот и все, – начала Мила уверенно, не оставляя Полю шансов задеть ее.

На что он лишь криво усмехнулся, оставшись при своем.

– Расслабься, в этом доме еще никто не смог продержаться больше трех дней. Но мать мне неделю мозги промывала, чтобы мы провели отпуск здесь, так что – крепись. Я ей обещал. Да и вообще, он, как хороший отец, помаячит здесь пару деньков и, как обычно, смоемся в какую-нибудь деловую командировку. А мама – она классная. С ней весело.

– Она в курсе? – серьезно спросила Милен, внимательно глядя на друга.

Судя по тому, как Поль засуетился, выпутывая ноги из одеяла, в котором за время их разговора уже успел свить гнездо, обсуждать эту тему он не собирался. Настаивать она не стала.

– Нет, – коротко отрезал он, поднимаясь в кровати.

Мила запустила пальцы в его волосы, взъерошив их на макушке, словно извиняясь. Поль перехватил ее ладонь и, поднеся к губам, поцеловал.

– Пора спать, – мягко сказал он и, чмокнув ее в щеку, пошел к себе.

* * *

Она лежала в темноте и никак не могла уснуть. Ее мысли занимал этот великолепный дом и тихая ночь, наполненная странными, непонятными звуками, которых ни за что не услышишь в шумном городе. Но больше всего они были заняты хозяином дома.

«Этакий Титан, что неизменно держится устоев своего класса. Нужно быть достаточно толстокожим, чтобы не застрелиться от застегивания такого количества пуговиц», – усмехнулась она.

Видя всю эту чопорность, она с трудом могла представить его любящим мужем и отцом, сажающим себе на колени маленького сына. Поль, наверное, прав, так нельзя жить: постоянно контролировать себя. Либо он что-то скрывает, либо эта холодность призвана оградить его от ненужного внимания. Но, глядя на этот роскошный дом, в котором чувствовались энергия, живость и свобода, она сомневалась, что дело только в защите личного пространства.

«Что, интересно, он за всем этим прячет?» – эта мысль определенно возбуждала.

Он – контроль и власть как таковые. Его не переделать, сложно удивить и немыслимо ослушаться. Ведь он всегда прав. Но что-то, а колебать устои и возвращать загрубелой коже детскую чувствительность она умела. Лучше сказать так – любила. И этот половозрелый самец с волчьим взглядом и нестигаемой осанкой вполне для этого подходил.

«Черт возьми, высокий лоб, надменный взгляд и неприступная линия губ совсем лишили тебя сна, дорогуша».

Она откинула край одеяла и опустила ноги на пол, размышляя, где убить бессонницу. Та не собиралась считать глупых овец, а норовила перерасти в составление плана действий по завоеванию незыблемой твердыни, и Милен всеми силами пыталась этому помешать. Она знала, если даст шанс фантазии, ее желания потом сложно будет обуздать.

«Может, в сад пойти прогуляться, заодно мозги проветрить? Или сходить поесть? – размышляла она. – Кстати, отличная мысль».

Мила накинула на плечи шелковый пеньюар и выскользнула из комнаты.

Употребление пищи ночью было для нее чем-то вроде высшего проявления свободы. Такую дерзость она могла позволить себе только под покровом темноты.

В узком коридоре, увешанном картинами в массивных золоченых рамах, царил все тот же полумрак, что и днем. Его освещали только настольные лампы с широкими атласными абажурами и длинной стеклярусной бахромой, стоящие на деревянных консолях вдоль стен, придавая пространству довольно интимный вид.

Сбежав вниз по лестнице, она оказалась перед дверью в кухню, которая представляла собой просторное помещение с массивным столом в центре. Свет она решила не включать, дабы не накликал муки совести и, воровски приоткрыв холодильник, окинула быстрым взглядом предлагаемые кулинарные изыски. С ужина остался цыпленок и немного овощей. Но кто станет есть эту гадость ночью. Ночь для чего-нибудь более запретного. Протянув руку, она взяла банку арахисового масла и устроилась с ней за столом, ближе к окну. Ей нравилось наблюдать, как лунный свет белесой лужей разливается по деревянной столешнице и ее открытым коленям.

Зачерпнув достаточно ароматной пасты, чтобы чувствовать себя до безобразия неприличной, она отправила ложку в рот. Не успела Мила насладиться вопиющим нарушением правил чопорных хозяев, как в коридоре послышались тихие шаги.

Мистер Бушэми вошел в кухню и остановился на пороге, в изумлении глядя на открывшуюся картину. Видимо, он забыл о посторонних в доме и теперь быстро пытался вернуть себе самообладание.

– Доброй ночи. Тоже не спится?

Не глядя на Милен, которая застыла с ложкой во рту, он взял в руки кувшин с водой и налил полный стакан.

– Да, видимо, новое место, – ответила она ему в спину.

Милен старалась выглядеть непринужденно, но, несмотря на усилия, голос ее дрожал и обрывался.

– Бывает, – он сделал глоток и, опершись свободной рукой о край стола, развернулся к ней вполоборота: – Решили подкрепиться?

– Надеюсь, я не нарушила какой-нибудь суровый закон, принятый в этом доме? – не без ехидства спросила Мила, вспомнив свои постельные размышления.

– Ну что вы. В этом доме никто не ел по ночам до сегодняшнего дня. Но обещаю подумать над этим, – саркастическая ухмылка дернула уголки его тонких губ, – особенно принимая во внимание, что наше общение нацелено на долгосрочную перспективу.

После его слов захотелось прикрыть голые колени, на которые хозяин осуждающе косился. Видя, что разговор пошел куда-то не в то русло, Мила решила исправить ситуацию и отбить мяч на хозяйскую половину поля.

– У вас очень красивый дом, мсье Бушэми.

– Да, я слышал ваш разговор. Когда Тереза показывала вам вашу комнату, – пояснил он, заметив ее недоуменный взгляд.

– И что же именно вы слышали?

– То, что такой сухарь, как я, не мог построить такой восхитительный дом, – он приподнял брови, с вызовом глядя на нее. – Мне даже показалось, не в плагиате ли вы меня обвинили?

– Ну что вы. И в мыслях не было. Дело здесь может быть совсем в другом, – Мила уверенно смотрела на него, показывая, что ее не испугать. Но поджилки предательски тряслись.

– В другом? В чем же, позвольте узнать?

– Ну, к примеру, вы можете быть, как доктор Джекил и мистер Хайд. Утром вы доктор Джекил: почетный член общества, застегнутый на все пуговицы своего чертовски официального костюма. А вечером – мистер Хайд – человек, пренебрегающий законами морали в угоду своим желаниям.

– И вам не страшно находиться под одной крышей со столь двуличным существом?

Его взгляд расфокусировался, словно собственный вопрос заставил на мгновение задуматься, но он практически сразу пришел в себя, сделав уверенный глоток из высокого стакана, что все это время держал в руке.

– Мы все двуличны, доктор. Все носим маски, и только ночь знает, кто мы на самом деле.

– Почему ночь? – звук его голоса, тягучий и мягкий, будто усиливал его обаяние, урча у нее в груди волнующим басом.

– Ночь – она как отголосок нашего общего языческого прошлого. Ее боги оберегают нас от предрассудков дня, бережно хранят наши тайны, открывая нам нашу истинную природу. Ее демоны безжалостно убедительны, от них не будет спасения, если вы хоть раз позволите им увидеть ваши тайные желания.

– Или страхи, – добавил он.

– По сути, это одно и то же. Наши страхи – пища для наших подчас необузданных желаний.

– И вы носите маску? – чуть помедлив спросил он, совершенно забыв о жажде, что привела его сюда.

– Конечно. Цивилизованное общество разработало их великое множество на каждый случай жизни.

Она в очередной раз облизала ложку и, наконец, отложила ее на стол.

– И кто же вы сейчас? – его голос заполнял ее, отчего разговор стал приобретать опасную для нее двусмысленность.

– После двенадцати я, как в сказке, превращаюсь обратно в тыкву, – Милен усмехнулась, пытаясь стряхнуть с себя почти сомнамбулическую покорность, вызванную его присутствием.

Его глаза цвета хорошего выдержанного виски блестели в полумраке кухни и сейчас казались почти черными. Что-то новое появилось в его взгляде: темнота и одиночество. Они проникали в нее, порождая странное чувство волнения и страха. Возбуждая любопытство, которое не давало ей отвести от него взгляд.

– Я думаю, вы недооцениваете себя. Вы далеко не тыква. Спокойной ночи, – сказал он после небольшой паузы, прервав, наконец, этот странный плен, и поставил на стол почти полный стакан.

Едва заметная улыбка мазнула по его лицу и тут же испарилась. Он вышел из кухни, оставив ее наедине с размышлениями на тему доминирования и подчинения и других свойствах мужского баритона в полутьме.

Глава 3

На следующий день с самого утра зарядил дождь. Вместе с ветром он нещадно хлестал еще вчера стоящие в цвету яблони, и теперь вся земля под ними была засыпана, словно снегом, белыми лепестками. Он то налетал, неистово колотя в стекла, то так же резко затихал, выпуская из плена туч солнце. Несмотря на эту упрямую борьбу света и тьмы за окном, день прошел весело и даже интересно.

Тереза, как боевая подруга замминистра и по совместительству главный организатор быта всего семейства, знала кучу способов развлечься, не выходя из дома. Глава этой славной ячейки общества появился только за обедом, после чего снова уединился в своем кабинете несмотря на то, что, по словам Терезы, у него был выходной.

Когда за окном начали сгущаться сумерки, противостояние погодных стихий приняло новый оборот. Ветер разогнал наконец тучи и сейчас неистово теребил верхушки уже изрядно потрёпанных деревьев. Их мечущиеся силуэты были отчетливо видны на фоне начинающего темнеть неба. Милен, сославшись на головную боль, вызванную переменой погоды, попрощалась с Терезой и Полем и отправилась спать пораньше.

Вернувшись в комнату, она сняла с себя одежду и направилась в душ. Упругие теплые струи барабанили по коже, смывая с лица дежурную маску, которая уже отыграла свою роль и больше была ей не нужна. Вместе с маской уходили все тяготы дня. Если, конечно, пара шестерок, навешанных ей Терезой, можно было назвать тяготами. Ей определенно не везло в карты, что увеличивало шансы на удачу в любви. В памяти всплыли воспоминания о встрече на кухне. Черные глаза, разливающие желание по ее едва прикрытому телу, бархат голоса...

«Черт возьми, это – твой будущий свекор, прекрати немедленно», – злилась Мила, не в силах справиться с разыгравшимся воображением.

Она выключила воду, тщательно вытерлась и, накинув халат, вышла в комнату.

Головная боль была лишь предлогом, чтобы остаться одной. Мила с трудом переносила шумные компании и бестолковые разговоры. Ее внутренний демон требовал тишины и уединения. Она постаралась заглушить его голос чтением, однако книга скоро ей наскучила. Мила не долго сопротивлялась наваждению и, выскользнув в полутемный коридор, направилась в сторону кухни. В доме было тихо. Только тиканье часов и завывания ветра за окном, похожее на зловещий шепот, приобретали в этой сонной тишине пугающую отчетливость. Почти детский страх подгонял ее в спину, отдавался в груди тугими рваными толчками.

Невзирая на снедающий ее охотничий запал, вернулась она ни с чем, не считая стакана воды. Мила уже успела нафантазировать себе пугающе отчетливые картины их новой встречи с хозяином дома и сейчас чувствовала себя обманутой.

Она поставила свой трофей на прикроватную тумбочку и легла поверх одеяла. Было сложно не думать о том, что месье Бушеми проигнорировал свою жажду и решил воздержаться от посещения кухни. А может быть, она ошиблась и никакой жажды просто нет? Но Милен давно играла в эти игры, ей было достаточно нескольких минут, чтобы по едва заметным признакам понять, кто перед ней. Подруги подчас недоумевали над тем, как она выбирала себе мужчин. Эти глупышки не могли сообразить, что ни цвет глаз или волос, ни возраст, ни даже, чего греха таить, пол не являлись для нее основным критерием выбора жертвы. Единственно значимым для нее всегда была сила. Чем сложнее сломать – тем больше удовольствия от процесса.

Конечно, она никому не рассказывала причину, по которой изо дня в день ее мучила эта неизбывная жажда. Чем больше сердце поглощал ее ненасытный демон, тем сильнее и опаснее становился.

Первой ее жертвой стал отец. Порой она даже себе не могла ответить на вопрос: чего же в ней было больше – любви к нему или ненависти.

Она всегда была избалована его вниманием – любимая дочка. Но со временем то доверие, то душевное единение, что сложилось между ними, стало вырождаться во что-то иное. Его внимание перестало быть отеческим. Она заметила это лет в тринадцать, когда вопросы пола встают особенно остро и болезненно, пока природа пытается превратить неуклюжее тело куколки в прекрасную бабочку. Сначала это были просто прикосновения, поцелуи в губы на ночь – она все списывала на свое слишком буйное воображение. Это сейчас она знает, какую роль в этой вечной игре имеют прикосновения, взгляды, полутона голоса. Лишь повзрослев, Мила поняла, что так смущало ее в незатейливых проявлениях отеческой любви – запах его желания. Его нельзя скрыть, он обволакивает, заполняет, окрашивает каждый жест, каждый взгляд в совершенно особые тона. Он пропитывал их отношения, вызывая в ней отторжение и какое-то странное смятение.

Мила не понимала, как реагировать на все это. Ей не с кем было поговорить. Да и о чем, собственно, говорить? Что, если она ошибается, и ошибка разрушит ее семью? Ведь по большому счету ей не в чем было винить отца. Пока ей не исполнилось шестнадцать.

В то лето Мила, как обычно, приехала домой на каникулы. Она не видела родителей почти год. Чем старше она становилась, тем короче были ее визиты домой. Но на лето остаться в школе она не могла, и приехать пришлось. Мила даже пожалела, что все это время упорно игнорировала семью. Было видно, что мама скучала. Оставшись с тираном-мужем один на один, она заметно сдала: похудела, и ее еще молодое лицо изрезали преждевременные морщинки. За тот месяц, что они провели вместе, она посвежела, и даже их вечные взаимные придирки уступили место совершенно не свойственной их отношениям душевности. Пока не приехал отец.

Мать стала нервной, под глазами опять залегли глубокие тени. Она выглядела несчастной, будто все время плакала. Хотя вида старалась не подавать.

В тот вечер он пришел пожелать своей малышке спокойной ночи и, как обычно, впился длинным, вовсе не отеческим поцелуем в губы, а потом вдруг прижал ее всем телом к кровати:

«Девочка моя! Моя Белоснежка...» – выдыхал он ей в губы, обхватив лицо нервными дрожащими руками.

От его напряженной фигуры, тяжело навалившейся сверху, исходил страх, он весь был пропитан этим постыдным страхом. Она видела, как в его глазах он стремительно сплетается с необузданным желанием. С каким нетерпением срывал он с себя маску благопристойного отца семейства, показывая свою истинную, животную жажду. Единственное, что она чувствовала в этот момент – оцепенение. Казалось, это просто сон, кошмар. Она с силой стала толкаться, упираясь руками ему в грудь.

И вдруг лицо его, покрасневшее, с горящими безумными глазами, исказилось гримасой бешенства. В глазах сверкнула сталь, а губы изогнулись в почти волчьем оскале.

Она до сих пор не понимала, как ей удалось тогда вырваться из его хватки, но, вырвавшись, она бежала, не останавливаясь.

Пришла в себя Мила на скамейке, ощутив прохладное дыхание ветра на пылающем лице. Девушка не понимала, где она и что происходит. Чувствовала только саднящую боль в ногах и лишь сейчас поняла, что выбежала из дома босая. Она еще долго сидела так, не зная, куда пойти. Мысль о том, чтобы вернуться домой, пугала.

Через несколько часов ее нашла мама. Она сняла с себя кардиган, накинула дочке на плечи и села рядом. Они долго молчали, глядя вдаль, пока горизонт не подернулся розовой полоской света, словно открывал тяжелые ото сна веки, чтобы пропустить в мир свет солнца.

– Мила, – начала она тихо, глядя на свои переплетенные пальцы, не в силах поднять глаза на дочь, – я должна сказать тебе... это сложно, но, думаю, время для этого разговора настало.

– Мам, – как бы извиняясь, перебила ее Милен, – не надо, ты не должна...

– Просто послушай, ладно, – она обхватила своими сухими, холодными ладонями руки дочери и несколько минут смотрела на них, словно не могла начать. – У нас с папой долго не было детей. Мы все перепробовали, но чуда не произошло. И тогда мы решили взять ребеночка из приюта. Тщательно все обдумывали, собирались с мыслями и силами, чтобы сделать этот серьезный шаг. И вот в канун Рождества в нашем доме появилась ты, – мама улыбнулась куда-то в пустоту перед собой. Воспоминания на мгновение расслабили морщинки на ее лице. Она не смотрела на оторопело пялившуюся на нее Милен. – Ты всегда была и будешь нашей дочкой. Неважно, кто тебя родил. Мы твои родители. Просто... – она повернулась наконец к Миле, продолжая нервно мять ее ладони в своих руках. Мамины глаза отчаянно заматались по растерянному лицу девушки, стараясь поймать ее взгляд, но, встретившись с ним, она тут же отводила глаза. Будто чувствовала свою вину. Милен только сейчас поняла, почему мама настояла, чтобы она поступила в закрытую частную школу. Тогда, в четырнадцать, ей казалось это предательством. А сейчас – милосердием.

Разрезав пламенеющий горизонт, им навстречу прорвался ослепительный солнечный луч, заставивший обеих прищуриться. Прикрывая ладонями лица, они смотрели на огромный красный диск, выкатывающийся из-за края неба.

Милосердие. Тогда это казалось ей действительно милосердием. Почему из всего, что могла сказать ей мать, было именно это признание? Повзрослев, Мила стала понимать, это была лишь слабая попытка оправдаться. Ведь не дочь она тогда защищала, нет. Она защищала свой мир. Тот образ идеальной семьи, который с таким трудом создавала все эти годы. В тех кругах, в которых они вращались, подобные сделки с совестью были почти нормой. Единственное, за что Милен была благодарна матери – этим признанием она разорвала кровные узы, связывающие ее по рукам и ногам.

Ей было всего шестнадцать, а ее сердце уже было отравлено обидой и незаслуженным стыдом, что ужасали совсем еще юное сознание. Даже после смерти отца Милен не смогла простить ему то недоверие к мужчинам, ту жажду мщения, что он разбудил в ней своим вероломством. Но больше всего она злилась на него за любовь, которая, несмотря на испытания, не стала слабее.

Эти воспоминания об отце были лишь свидетельством того, что ее ненасытный демон не удовлетворится нелепыми доводами и уже не позволит ей отпустить намеченную жертву. Он – мужчина, а значит – виновен. И совсем скоро она докажет ему это.

Эта игра, эта жажда подчинения стала для нее своеобразным аналогом любви – уродливым суррогатом, превратив ее саму из объекта привязанности в орудие возмездия.

Милен лежала в постели и чувствовала, как знакомый жар разливается по телу, рискуя затопить сознание. Она рывком села и, нащарив в темноте стакан, сделала пару глотков. Потом быстро залезла под одеяло и закрыла глаза, стараясь прогнать из головы все мысли до одной. Скоро ей это удалось, и она провалилась в сон.

* * *

Мила совершенно не выспалась и пришла к завтраку последней.

– Доброе утро, – промямлила она еще сонным голосом и уселась на свое место.

– Плохо спала, моя дорогая? Ты выглядишь уставшей, – с тревогой в голосе спросила Тереза.

– Хотелось бы мне ответить, что причиной моего недосыпа является горошина, но, видимо, эта сказка не про меня, – вздохнув, подытожила Мила. – Обычная бессонница.

Она взяла из плетеной корзинки уже остывший тост и начала неспешно размазывать по нему масло.

– Я смотрю, мсье Бушеми не балует вас своим присутствием за столом. Или виной мои постоянные опоздания? – она подняла глаза на присутствующих.

– Он уехал рано утром. Дела министерства, я давно привыкла, – улыбнулась Тереза. Ее улыбка была как остывший тост в руках Милы: сухой и безвкусной.

Мельком взглянув на Поля, девушка поймала его саркастическую ухмылку – мол, я же говорил.

– Просто я начала переживать, что дело в моей весьма сомнительной компании.

– Ну что ты. Жан всегда был таким. Служба превыше всего.

– Знакомо. Мой отец тоже был из этой породы, – Милен с помощью вишневого конфитюра все еще пыталась придать мерзкому сухарю у себя в руках хоть какой-то вкус. – Мы увидели его дома, только когда он заболел и уже не мог сломя голову бежать на свою любимую работу. Правда продолжалось это недолго. Вскоре он умер.

– О, мне так жаль, дорогая, – с сочувствием сказала Тереза и, протянув руку, положила поверх ее ладони.

– Это было давно. Но что самое интересное, я помню о нем достаточно много и, как ни странно, только хорошее. Так что, наверное, это не так плохо — любимая работа. Она не позволяет мужчине совершить ошибки, которые он обязательно бы совершил, не будь у него уважительного повода в любой непонятной ситуации куда-то смыться.

Покончив с завтраком, все семейство потянулось на улицу. После вчерашнего светопреставления день выдался на редкость тихим и солнечным. Ответив на несколько нервных звонков босса и убедив его в том, что ее отпуск никоим образом не помешает выставке открыться вовремя, Милен расслабилась и полностью отдалась в руки Терезы. Та оказалась прекрасным игроком в бадминтон и на славу погоняла не привыкшую к таким нагрузкам Милу. Обед перерос в послеобеденную сиесту, а после ужина вся троица увлеклась клюэдо. Игра оказалась настолько занимательной, что только заползающие в гостиную поздние летние сумерки заставили игроков посмотреть на время и, наконец, остановиться. Все разбрелись по комнатам, и дом погрузился во тьму.

Милен пыталась не думать о месье Бушеми, все еще наивно полагая, что ей просто нужно отвлечься, и это ее спонтанное увлечение само пройдет. Тем более своим отъездом он давал ей такую возможность.

Следующий день прошел по тому же сценарию, что и предыдущий, с той лишь разницей, что бадминтон сменил крикет, чтобы третий не становился лишним. Мсье Бушеми все также отсутствовал, что волновало, похоже, лишь Милен. Тереза с Полем чувствовали себя вполне комфортно, и за эти три дня никто даже словом не упомянул о нем.

На следующее утро раздался телефонный звонок, и Тереза объявила семейству, что вечерним рейсом возвращается отец. Поль сразу ретировался, уехав в город на встречу с каким-то школьным приятелем. Крикет сменила домашняя суэта. Тереза весь день с умным видом ходила с садовником по саду, проверяя, аккуратно ли подстрижены газоны и кусты. Луизе она давала указания по поводу ужина и свежих цветов в каждой жилой комнате. Милен отстала от нее еще в обед и, лениво расположившись с книжкой на диване, со стороны наблюдала всю эту бурю в стакане воды. Она умело прятала свои переживания под маской скуки и с волнением ждала ужина.

Глава семейства не изменял себе даже в таком тонком деле, как своевременное возвращение, прибыв точно по расписанию. Тереза снова удивила Милен, устроив по поводу встречи мужа целую церемонию. Жано не сопротивлялся ей и с покорным равнодушием на лице поддерживал игру супруги. Дежурные фразы ловко сменяли друг друга, создавая, словно по мановению волшебной палочки, королевский двор с его чопорным этикетом, оставляя на языке мерзкий вкус дешевого вина. Милен вдруг поняла, что смущало ее в общении семейства – его наигранность. Она старалась выглядеть незаинтересованной, но внутри у нее все горело.

Горело ожиданием ночи, когда ее демон, освободив от условностей дня, позволит быть собой, как бы это ее ни пугало. За время ужина она произнесла не более того, что хотела услышать мадам Бушеми, оправдывая ее ожидания и невольно внося свою лепту в их кажущуюся идеальной жизнь.

* * *

Вернувшись в свою комнату, Милен ждала полуночи. Из головы никак не шел его серьезный взгляд и совершенно не акцентированная меланхоличная отчужденность. Наверное, Жан был прав, именно он был приемным сыном в его собственной семье.

Казалось, в голове копошился целый рой мыслей. Однако мысль была всего одна, она лишь ловко разбивалась на сотни возможных вариантов будущей встречи. Не в силах больше ждать, Мила выскользнула в слабо освещенный коридор и, преодолев этот невероятно длинный сегодня отрезок пути, оказалась, наконец, в теплом пространстве кухни. Она заняла свой стул возле окна, стараясь не думать о мсье Бушеми. Тем не менее именно им было занято все ее существо. Его имя слышалось в рваном ритме ее нетерпеливого сердца. Словно что-то иное, родное в этом мире пластиковых чувств, прятала она свое вожделение. Он не заставил себя долго ждать и буквально через десять минут разрушил плен ее ожидания.

Жано застыл в дверном проеме, не смея пройти дальше. Словно оказавшись вне созданной Терезой помпезности, не знал, как себя вести. Мила не могла отвести от него взгляд, чувствуя лишь тугую пульсацию сердца в висках, деснах и языке. Все варианты развития событий, придуманные ей в полутьме спальни, вылетели из головы, и Мила не могла произнести ни слова. Тишина натянулась до предела.

– Удачно съездили? – сказала она наконец и удивилась, как уверенно прозвучал ее голос.

Приободрившись после такого успешного начала, Милен внимательно посмотрела на хозяина, в ожидании его ответа.

– Вполне, – совершенно спокойно, даже с каким-то обидным безразличием ответил Жан и прильнул к стакану, что минутой ранее налил из высокого кувшина. – Я смотрю, вы поздняя пташка, – он буквально на мгновение бросил на нее взгляд и тут же снова отвернулся. Исключительная чуйка Милен говорила о том, что он волнуется сейчас не меньше.

«Да, дурацкий разговор получается, – подумала она, ругая себя за то, что вообще пришла сюда сегодня. – Хищница, твою мать, двух слов связать не можешь».

Ей отчаянно захотелось поскорее убраться с кухни. Но сделать это красиво было сейчас сложно: Жан преграждал ей путь к отступлению, и при любом раскладе это выглядело бы как бегство – а Милен с поля боя еще ни разу не бежала.

«Черт возьми, да допивай уже быстрее», – злилась она. Секунды превращались для нее в минуты, а минуты тянулись как часы.

Она продолжала сидеть на своем стульчике, как послушная маленькая девочка, а этот любитель попить воды на ночь, видимо, упивался не только водой, но и удачным раскладом козырей.

«Ладно, один – ноль, но я бы на твоём месте так не радовалась», – пробурчала она про себя. И тут, кто бы мог подумать, спасительно завибрировал телефон, который она предусмотрительно носила с собой, на случай очередного нервного срыва у босса. «Дин» – высветилось на экране.

– Простите, – она ловко подскочила на ноги и протиснулась между облокотившимся о стол хозяином дома и духовкой. Несмотря на то что для прохода было достаточно места, Мила чуть задела рукой его крепкие ягодицы, злорадно улыбаясь своему совершеннейшему безрасудству.

«Теперь ты понервничай».

– Дин, я люблю тебя, – радостно пропела она в трубку, когда вышла в коридор.

На другом конце провода на несколько секунд повисло молчание.

– Да? Я думал, на хер меня пошлешь в такое время, – голос Дина был еще растерянным, но он быстро взял себя в руки, видимо решив воспользоваться хорошим настроением помощницы. – Слушай, я чего звоню-то, сегодня в галерею заезжала Лизбет, ну, агент того молодого дарования, который на выставке у Клеймора произвел фурор. Я посмотрел его работы, вроде неплохие. Заедешь завтра, глянешь опытным глазом? Я с Лиз на двенадцать договорился. Что скажешь?

– Что сказать на то, что ты с ней уже договорился? – с издевкой спросила Милен.

– На двенадцать, – напомнил он. – Я подумал, ты все-таки в отпуске, наверное, нужно дать тебе выспаться.

– Как предусмотрительно, – сыронизировала Мила, – обычно тебя не волнуют такие мелочи. Ты же не отстанешь, да, Дин? – уже с меньшей радостью спросила Милен. – Конечно, заеду, как раз в город хотела выбраться.

– Ну вот и чудненько. Значит, договорились.

Не успела она попрощаться, как воцарилась тишина.

«Трубку бросил, дебил», – вырвалось у нее. Но, несмотря на некоторую досаду, она была благодарна расшатанной нервной системе Дина за этот поздний звонок, который спас ее из неприятной ситуации.

«А вы не так просты, мсье Бушеми. Что ж, впредь буду осмотрительней. А теперь – спать».

Глава 4

В галерею Милен приехала чуть раньше, чтобы до приезда Лиз выяснить у Дина, о чем тот успел договориться.

В помещении не было ни души. Стук ее каблуков эхом разносился в пустом пространстве, пока она шла через выставочный зал в кабинет босса.

– Привет.

Милен без стука вошла и по-хозяйски устроилась в небольшом бархатном кресле в гостевой зоне у окна.

Дин в привычной для себя расслабленности полулежал в высоком кожаном кресле и играл в телефон. Увидев Милен, он кивнул ей и, не отрываясь от игры, заерзал в кресле, словно гусеница, пытаясь принять более пристойную позу.

– Я приехала в свой выходной не для того, чтобы смотреть, как ты в телефон рубишься, – строго напомнила она.

– Да, прости, – он сделал еще несколько быстрых движений большими пальцами по экрану и, наконец, отложил мобильник на стол.

Дин был чуть старше Милен. Когда она поступила в Художественную академию, он ее как раз заканчивал. Никакими особенными талантами во время учебы он не отличался, да и нужно ли ему было? Связей его отца должно было с лихвой хватить на то, чтобы обеспечить сыну безбедное существование в каком-нибудь департаменте культуры. Но Дин удивил всех, обнаружив у себя, кроме смазливой мордашки, отличное коммерческое чутье. Он открыл галерею современного искусства – не без помощи папы, конечно – и, наняв в помощники самого скандального арт-дилера, появившегося на художественном небосклоне, попал точно в цель. Несмотря на то что он не мог похвастаться хорошим знанием предмета, та команда профессионалов, которую он за несколько лет сумел сколотить, давала ему возможность, беззаботно развалившись в кресле, играть в телефон.

Как и предполагала Милен, никаких особых договоренностей не было – просто заявления о намерениях. В чем был несомненный плюс Дина как начальника, так это в том, что он никогда единолично не принимал важных решений касательно покупки или выставки того или иного художника, доверяя это специалистам. Искусство уже давно стало инструментом привлечения больших капиталов, и, несмотря на кажущуюся легкость и яркость жизни современного бомонда, мир этот был не так прост и воздушен, как могло показаться на первый взгляд. Это замкнутая система со множеством строгих, а порой даже жестоких правил, по которым она существовала. Это тусовка избранных: мир гениев, граничащих с безумием, блистательных неудачников и закоренелых циников, где излишняя самоуверенность может навсегда выбить тебя из обоймы. Искусство не прощает небрежного к себе отношения. А в случае Дина лучше сказать – деньги не прощают небрежного к себе отношения, а деньги Дин всегда любил, и они отвечали ему взаимностью.

Лиз вошла в кабинет практически бесшумно, словно хотела воспользоваться эффектом неожиданности. Поздоровавшись с присутствующими, она, не теряя времени, опустила с плеча большую сумку-пенал и, расстегнув замки, принялась расставлять перед покупателями товар. Когда все три работы были выставлены на обозрение, она подошла к столу у окна и заняла пустующее кресло напротив Милен.

Лизбет Вьен – миловидная крашенная блондинка с короткими взъерошенными волосами – видимо, надеялась придать начинающему стареть лицу юношеского задора – была представителем среднего поколения дилеров.

Когда-то она открыла миру пару громких фамилий, сейчас пребывала в не лучшей своей форме. Вероятно, сказывалась приобретенная в дни былой славы тяга к спиртному. Но она не утратила нюх и хватку. Правда, нужда в деньгах была для нее сейчас выше профессиональных навыков. Милен это знала и старалась не торопиться, заставляя ее понервничать. Ее подопечный был восходящей звездой художественного небосклона. Доминик выдал неплохую партию из двенадцати работ на тему постапокалипсиса, которую критики оценили очень высоко, и сейчас Лиз будет давить на авторитет автора, чтобы заломить максимальную цену.

Все трое какое-то время молчали, разглядывая прислоненные к стене работы.

Нарушила тишину Милен:

– Лиз, ты же знаешь, даже у лучших бывают плохие дни. Давай не будем лукавить: его фирменный синий уже не так хорош, как в ранних работах. Картины неплохие, но в них нет прежней смелости. Где Доминик пропадал все это время? – Милен откинулась на спинку кресла и меланхолично покачивала ногой. Весь ее вид говорил об осведомленности в делах клиента, от чего вопрос звучал риторически.

Лиз разочарованно фыркнула, предвидя значительное снижение заявленной ею цены, и, немного помолчав, спросила:

– И что ты предлагаешь?

– Мы заплатим сто тысяч, но только за все три полотна.

Лиз вспыхнула и вскочила на ноги:

– Ну это уже ни в какие ворота не лезет. Барбара даст, по крайней мере, в два раза больше. Она, как тигр в клетке, начала мерить кабинет быстрыми нервными шагами.

Дин чуть заметно подался вперед, но Мила приподняла ладонь от подлокотника, останавливая его. И он мгновенно вернулся на место.

– Я считаю, эта цена не приемлема для моего клиента. Думаю, я найду тех, кто оценит его работы по достоинству.

Лизбет бросилась к картинам и начала упаковывать их обратно в черный пластиковый чехол.

– Почему такой широкий подрамник? – совершенно спокойно спросила Мила, и нервозность Лиз стала сходить на нет. Она прекратила, наконец, возню с холстами и медленно обернулась к Милен.

– Что ты имеешь в виду?

– Имею в виду, что Доминик никогда не использовал такие широкие подрамники для своих холстов. Что-то прячешь? – не унималась Милен. – Ножом порезал?

Лизбет окончательно отвлеклась от картин и, прислонив их наполовину запакованными обратно к стене, снова села в кресло. Дин тем временем отошел к бару и налил два стакана скотча и яблочный сок. Мила никогда не пила алкоголь на работе, в чем он ее поддерживал, особенно сейчас, глядя на постоянно слетающую с катушек Лиз. Он вернулся к столу со стаканами:

– Давайте успокоимся.

Один протянул сникшей Лиз, которая приняла его с молчаливой благодарностью, другой поставил перед Милен. Снова усевшись в кресло, Дин больше не вмешивался в разговор. На его лице было то самое выражение, которое возникает, когда чувствуешь, что дело выгорит. В глазах округлялись нули, и он в задумчивости обводил по кругу указательным пальцем толстые стенки стакана.

– Сто пятьдесят, – уже более уверенно выдала Лиз, видимо, осмелев после подзарядки.

– Сто. У тебя никто не купит картины, когда узнают, что он пытался от них избавиться. Три картины за год, что прошел с последней его выставки, – это мало. Думаю, он решил бросить писать. А ты, Лиз, пытаешься запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда.

– Не будь стервой, не мешай мне, – с вызовом бросила Лизбет и вся подалась вперед, словно хотела воззвать к совести Милен. Хотя всем в художественной тусовке было известно, что совести у нее сроду не было.

– У меня к тебе предложение, – начала Милен, проигнорировав ее выпад. Она давно привыкла к подобным словам, и они ее уже не цепляли, как раньше. Напротив, говорили о том, что ее хватка не ослабла. – Я знаю, у тебя есть еще одна его картина – «Демон заката», я хочу получить ее. Заплачу двести штук. А этих малышей сможешь продать после того, как пройдет наша выставка. Со своей стороны, обещаю не препятствовать твоему обогащению.

– Двести?! Мне за нее предлагали пятьсот, – негодовала Лиз, она снова вскочила с места и отошла к окну. Скрестив руки на груди, молча вглядывалась в скучный городской пейзаж, пытаясь успокоиться.

Дин тоже заелозил в кресле. Он вопросительно уставился на Милен, которая снова подняла ладонь, показывая, что контролирует ситуацию.

– А если я не соглашусь на твою цену? – злобно ухмыльнулась Лиз и полезла в карман брюк за сигаретами. Встряхнув пачку, вытащила выскочившую из нее сигарету и прикурила.

– Тогда ты не сможешь продать ни одной картины, по крайней мере, за те деньги, на которые рассчитываешь. Ты же понимаешь, если просочится информация, что после дурки Доминик утратил вдохновение и решил завязать, изрезав ножом неудавшиеся работы, ты даже «Демона» не сможешь продать, и не только за пятьсот, но и за двести тысяч. Тебе придется искать новое дарование, а это, даже при огромном выборе на рынке, не так просто. Я же предлагаю тебе двести тысяч евро, плюс после окончания выставки ты сможешь загнать те, что принесла сегодня. Да, и можешь помусолить легенду о том, что Доминик пишет новый цикл работ. Подогреешь интерес публики, а там, глядишь, и сам мастер опять впадёт в свое любимое состояние клинической депрессии.

Лиз выслушала доводы Милы с нагловатой улыбкой несправедливо обиженного, а потом быстро подошла к столу и, с силой вдавив в пепельницу окуроч, провела им по дну, оставляя на прозрачном стекле длинный грязный след.

– Хорошо. Торговаться с тобой бесполезно, – зло выплюнула она. – Прошу только об одном: не лезь со своими критическими отзывами, пока я не продам работы.

Она подошла к сиротливо прижавшимся к стене картинам, застегнула чехол и, накиннув длинную лямку на плечо, обернулась к Дину:

– «Демона» привезу послезавтра, готовь деньги. Помни, ты обещала, – она наставила указательный палец на Милу, и та, симитировав движение невидимого ключа, запирающего рот на замок, проводила ее довольным взглядом.

Когда дверь за Лиз закрылась, Дин, наконец, обрел дар речи:

– Черт, не верю, что ты выторговала у нее «Демона», – он усмехнулся, довольный раскладом, и залпом допил скотч. – Мы легко продадим его за пятьсот.

– Думаю, что смогу продать его гораздо дороже, – задумчиво произнесла Милен, разглядывая солнечного зайчика, утонувшего в стакане яблочного сока.

– Дороже? У тебя как всегда есть план, мая коварная Шери?

– Думаю, да.

Не притронувшись к соку, она отставила стакан обратно на стол и уставилась на Дина:

– Мы сможем сыграть на его временном, а может быть, и окончательном отходе от дел.

– Нет. Ты же пять минут назад обещала ей этого не делать.

– Если все правильно обставить, в выигрыше будут все, и Лиз в том числе, – сказала она в задумчивости и, чуть помолчав, добавила: – Я пойду. Поль обещал заехать. У него была встреча с каким-то школьным приятелем.

– Как дела со свадьбой? – поинтересовался Дин, глядя, как Мила достает из сумки телефон.

– Никак сорока на хвосте принесла? – поинтересовалась Милен, набирая номер.

– Конечно, вчера заходила, думала, ты на работе.

Мила осуждающе покачала головой, ожидая, когда на другом конце провода ей ответят:

– Привет, я освободилась, забереешь меня? – услышав ответ, немного разочарованно продолжила: – Не надо, не торопись, я на такси доберусь, – и практически сразу отключилась. Извинения Поля все равно никак не изменят ситуацию, а желания слушать его нытье не было.

– Неужели со школьным приятелем интереснее, чем с невестой? – подначивал Дин, видя ее раздражение.

– Не начинай, – устало протянула Мила, не поддаваясь на его провокацию. – Пока, – она махнула ему рукой и не оборачиваясь вышла.

После кондиционированного воздуха галереи было приятно вдыхать аромат цветения, смешанный с запахами бензина и нагретого асфальта. Несмотря на обеденный перерыв, на улице было немногочленно. Милен остановилась в раздумьях. Без Поля возвращаться в дом его родителей не хотелось.

«Позвонить Бэт? – она достала из сумочки мобильник и посмотрела на время. – Уже почти три».

Особого желания тратить время на пустые разговоры у нее не было, хотелось просто побыть в одиночестве. Мила бодро направилась по улице дю Бари, перебежала на другую сторону дороги и, пройдя дворами, вышла на оживленную Риволи. Здесь находилась ее любимая кондитерская, и Милен решила купить пирожных.

В кафе как всегда былолюдно и сногсшибательно пахло свежей выпечкой и кофе. Она подошла к прилавку, заставленному разноцветными десертами, и, недолго думая, купила свои любимые «Мильфеи» с клубникой, еле удержавшись от желания выпить горячего шоколада, который, по ее мнению, был здесь лучшим в городе.

Выйдя на улицу, Мила свернула на набережную. Подышав приятной речной прохладой с примесью тины и запахом цветущих каштанов, она решила поймать такси и вернуться в поместье. Пирожные должны скрасить пресное общение с Терезой. Жана, скорее всего, дома не будет, так что она чувствовала себя в относительной безопасности.

* * *

– М-м-м, обожаю «Мильфеи», – Тереза чуть наклонилась над тарелкой и аккуратно, чтобы не обсыпаться крошками, откусила кусочек. – Они ассоциируются у меня с любовью и смертью, – с пафосом сказала она, запивая его ароматным улуном.

– Боже, как романтично. Почему с любовью и смертью? – спросила Мила, зацепившись, как ей показалось, за интересную тему. По крайней мере, лучше, чем весь вечер мусолить очередные глупые сплетни, которые Тереза в огромных количествах потребляла из средств массовой информации и от таких же манерных балаболок – ее подруг. А тут любовь и смерть. Что может быть интереснее?

– О, мы как раз только познакомились с Жаном, и он чуть не каждый день присылал их мне с роскошным букетом цветов. Я думала, растолстею от такого количества сладкого, – усмехнулась она.

Тереза была уже вся во власти воспоминаний, и Миле спешно пришлось вмешаться, чтобы разговор не ушел не в ту степь:

– А почему тогда со смертью?

– В это время в городе произошли убийства. Они наделали много шума, только ленивый не говорил о них.

– Убийства? – переспросила Милен и, отложив свое пирожное на тарелку, откинулась на спинку дивана.

– Да, моя дорогая, убийства, – многозначительно повторила Тереза, видя, что Мила внимательно слушает. – Говорили, что в городе появился маньяк. И как таких мерзавцев земля носит?

– Даже маньяк? Что, много жертв было?

– Две девушки. По-моему, обе были проститутками, – понизив голос почти до шёпота, ответила Тереза, поморщив свой аристократический носик. – По крайней мере, одна – точно. Со второй была какая-то странная история.

– А почему посчитали, что это маньяк? Разве не три похожих случая связывают в серию? – недоумевала Мила, которая была немного знакома с вопросами классификации преступлений, так как в пору юности почти все свободное время проводила в обществе господина По, Конан Дойла и Симады.

– Одна из жертв была то ли чьей-то незаконнорожденной дочерью, то ли содержанкой, в общем – дело темное и уже позабытое, – махнула рукой Тереза.

– Содержанкой? – переспросила Милен, не давая Терезе переключиться на другую тему.

Та слегка поморщилась, но, нацепив на лицо маску вселенского терпения, продолжила с присущей ей предвзятостью, которая всегда появлялась в ее голосе, когда речь заходила о людях с низкой социальной ответственностью, будь то проститутки, наркоманы или бомжи – все они были для нее отбросами общества, не меньшими, чем убийцы и насильники.

– Да. А поскольку убийства были аналогичные, решили не дожидаться общественного резонанса. Тем более, убийцу схватили, он признался в содеянном. Префект требовал к нему самых строгих мер, и чтобы наказание было под стать его преступлению, его классифицировали как серию. Отец Жана лично курировал это дело, – ответила Тереза, откинувшись на спинку кресла, – он тогда как раз и был префектом.

– Да что вы? Даже так, – Мила в задумчивости поднесла к губам чашку и машинально сделала глоток. – И кто же им оказался? Убийства проституток – вроде не уровень префекта полиции? Тем более, жертвы всего две, и маньяка поймали быстро, как я поняла, – в задумчивости продолжила она.

– Какой-то учитель рисования, будь он неладен. И что главное, не насиловал, только издевался, а потом душил и оставлял на груди жертвы карту – джокера. Ублюдок, – выплюнула она, – не хочу больше о нем.

Тереза взяла со стола очередное пирожное и, откусив кусочек, запила уже остывшим чаем. Она поморщилась и поставила чашку обратно на стол.

Чтобы сгладить неприятное послевкусие от разговора, Мила потянулась к высокому фарфоровому чайнику и подлила в ее кружку горячего чаю, которой тут же наполнил комнату запахом клубники со сливками.

Лицо Терезы сразу просияло, и она, с присущей ей манерностью, взяла в руки чашечку вместе с небольшим блюдцем и сделала глоток.

– Поль говорил, что его называли в честь деда? – продолжила Милен, желая еще больше польстить самолюбию Терезы.

– Да, мы надеялись, что он вырастет таким же сильным, невозмутимым и преданным делу, как и его дед, но Поль, видимо, взял больше от меня, – Тереза кокетливо рассмеялась.

– Да, Поль мне рассказывал о нем, – соврала Милен, чтобы закончить разговор на позитивной ноте.

Глава 5

Поль вернулся ближе к полуночи. Заглянув в приоткрытую дверь спальни, обнаружил Милу в кресле у окна. Убедившись, что она не собирается запустить в него чем-нибудь тяжелым, вошел.

– Еще не спишь? – заискивающе спросил он и опустился на пол у ее ног.

Мила в задумчивости вертела в руках телефон, перехватывая его за уголки, и никак на него не реагировала.

– Малыш, прости. Я не думал, что все так затянется, потом еще ребята подтянулись, ну, в общем... – он замолчал, когда Мила, наконец, обратила на него внимание и виновато улыбнулась.

– Забей, – безучастно ответила она и вернулась к своему занятию.

– Что-то случилось? – он осторожно взял из ее рук телефон и отложил на подоконник. – Малыш? Ну, я дурак. Ну, не обижайся. Скажи, что случилось? Я же уснуть теперь не смогу.

– Мать звонила, – вставая из кресла и осторожно перешагивая через его ноги, ответила Мила.

Поль проводил ее взглядом до окна и, поднявшись с пола, сел на ее место.

– И что? – спросил он, не отрывая взгляд от напряженной спины Милен.

– А то, что она опять решила устроить шоу по случаю очередной годовщины со дня смерти отца, – слишком эмоционально ответила она и, сложив руки на груди, молча уставилась в непроницаемый квадрат окна.

– А это плохо? – осторожно поинтересовался Поль, видя в темном отражении ее раздраженное лицо.

Он почти ничего не знал о взаимоотношениях Милен с матерью. Она никогда о ней не рассказывала и обычно меняла тему, если спрашивал он. Но то, что там не все гладко, было понятно и без слов.

Мила резко развернулась и с вызовом бросила ему в лицо:

– Уже пять лет прошло, ну сколько можно?

– Может быть, она скучает? – предположил Поль, чувствуя повод проникнуть в тайны семейных взаимоотношений.

– По кому? – усмехнулась Мила.

– По твоему отцу, по тебе.

Милен на секунду замолчала, приходя в себя, и снова отвернулась к окну:

– Она это мне назло делает, – сказала она уже спокойнее. – Никак простить не может.

– Чего простить не может?

– Неважно, – она подошла к Полю и села к нему на колени. – Неважно. Не бери в голову.

Она поцеловала его в лоб, окончательно уходя от ответа.

– Как посидели? – спросила она мягко, проводя пальцами по его волосам.

– Отлично.

Поль настороженно вглядывался в ее лицо, словно искал признаки недавней истерии. Но Мила выглядела вполне спокойной, и он решил не упускать редкую возможность узнать о семье невесты побольше.

– Когда ты едешь?

– Завтра, – ответила она, отведя взгляд.

– Хочешь, я поеду с тобой?

– Милый, это будет наискучнейшая тусовка закоренелых снобов. Поверь мне, ты ничего не потеряешь, если пропустишь ее. Я бы сама с удовольствием отказалась, но... Не могу, пони-

маешь? Он всё-таки мой отец, а там будет много его друзей и коллег. В общем, не вариант, – начала оправдываться Милен.

– Я хочу поехать, – уверенно ответил Поль и, прихватив ее подбородок двумя пальцами, заставил посмотреть на него. – Мы скоро поженимся, а я даже не знаком с твоей мамой. Непорядок, – он приложил палец к ее губам, видя, что она пытается возразить. – Думаю, это хорошая возможность. Если ты, конечно, не собираешься ехать для этого специально.

– Боже упаси, – зло усмехнулась Мила.

Она понимала, Поль прав: знакомство с матерью нельзя откладывать на долгий срок, а тут действительно хороший повод.

– Если ты хочешь, – обреченно протянула она.

– Решено, – воодушевился Поль. – Во сколько едем?

– Думаю, если часа в два отправимся, как раз к четырем будем на месте.

– Чудно.

Поль обхватил Милен за талию и поднялся, увлекая ее за собой. Чмокнув в нос, он пожелал ей спокойной ночи и, пока она не передумала, быстро улизнул.

* * *

Всю дорогу до дома матери Мила молчала. Как ни пытался Поль втянуть ее в разговор, она отвечала односложно и невпопад. Скоро ему это надоело, и он включил радио, лишь изредка бросая тревожные взгляды на притихшую подругу. День выдался солнечный и теплый. За окнами машины мелькали небольшие городки. Сельские домики с красными черепичными крышами утопали в свежей зелени и цветах. Мила, откинув голову на подголовник, равнодушно смотрела в окно.

– Остановимся перекусить? – спросил Поль, когда они проезжали очередной городок, растянувшийся по обе стороны извилистой дороги. – Ты же с утра ничего не ела.

Мила действительно даже не позавтракала, потому как еще утром разругалась с собой же в душе и решила не портить аппетит присутствующих своей кислой миной. Наверное, ей нравилось чувствовать себя таким Вертером – драматичным и ранимым героем, вся жизнь которого предопределена, и часы его уже тикают. Если бы не весь этот напускной трагизм, маскирующий чувство вины, ее взаимоотношения с матерью со временем сошли бы на нет. Но они знали слишком много постыдных тайн друг друга, которые, как фантомная боль давно ампутированной конечности, продолжали ныть внутри одиночеством и обидой. Именно они крепко связывали этих двух таких близких, но абсолютно чужих женщин.

– Скоро приедем, – то ли спросила, то ли ответила Милен.

Поль кивнул и надавил на педаль газа, оставляя позади выцветший навес придорожной кафешки, и меньше чем через полчаса они подъехали к особняку.

Он заметно отличался от дома Поля: ни цветущих садов, ни увитых плющом террас. Все чопорно и строго: словно вышколенные стояли безупречно подстриженные деревья и ровные ряды кустов, за которыми располагался двухэтажный особняк из темного камня, прекрасно вписывающийся своей цветовой гаммой в скучный и слишком прилизанный пейзаж.

* * *

Все здесь было точно так же, как пять лет назад, когда Мила уезжала отсюда, как она думала – навсегда. Но мать словно нарочно привязывала ее к дому, вынуждая постоянно возвращаться. Мила не могла сказать, что это было неприятно, отнюдь – с этим домом ее связывало много хороших воспоминаний. Казалось, что двери сейчас откроются, и ей навстречу выйдет отец, как обычно в идеально сидящем на нем костюме и неизменном галстуке. Он с абсолютно серьезным видом почти уже пройдет мимо, чтобы сесть в припаркованный возле крыльца лимузин, но в последний момент развернется и дернет ее за косичку, а потом засмеется своим громовым смехом. И эта его нелепая выходка тут же сорвет и с ее милого детского личика маску напускного безразличия, и она бросится ему в объятия, чтобы поцеловать

и пожелать удачного дня. Но отец больше никогда не выйдет из дверей, да и косичек у нее давно уже нет. И это маленькое теплое воспоминание, что растревожила память, снова заносит внутри одиночеством.

Они медленно поднимались по каменным ступеням, положим полукругом уходящим вверх к высоким парадным дверям. Мила краем глаза ловила волнение Поля: как он подстраивался под темп ее шагов, как постоянно бросал на нее едва заметные взгляды, как машинально сжимал и разжимал кулаки.

Оказавшись на верхней площадке, она повернулась к нему и взяла за руки:

– Готов? – спросила она, всматриваясь в его глаза, словно он собирался прыгнуть на резинке с моста.

– Готов, – Поль старался придать голосу уверенности, но от усердия дал петуха. Он тут же кашлянул, словно прочищая горло, и мягко улыбнулся, давая понять, что все под контролем.

Милен отпустила его ладони и постучала.

Им открыла бессменная экономка матери. Мэй жила в их доме, сколько Мила себя помнила. Эта маленькая азиатка со строгим, даже хищным лицом всегда пугала ее. Но, видимо, там, в глубине этой бесстрастной души обитала безграничная преданность, которую Мэй демонстрировала хозяйке все эти годы. Еще ребенком Мила придумала ей прозвище – Цербер. И они с отцом часто «дружили» против Мэй, устраивая безобидные розыгрыши, которые делали ее равнодушное желтое лицо злым. Но надо отдать должное ее выдержке: она ни разу не сорвалась и никак не проявила своего недовольства. Правда, и не упускала возможности отплатить им той же монетой. Позже Мила поняла, зачем отец всегда старался насолить Мэй: через нее он пытался задеть мать. Вот и сейчас от ее холодной отстраненности ладошки Милен вспотели.

– Привет, – стараясь не показать своего замешательства, она, не останавливаясь, прошла внутрь. – Где мама?

– Ваша мама в большой гостиной, – прозвучал у нее за спиной ледяной голос.

– Спасибо, – Милен схватила растерянного парня за руку и потащила вглубь дома.

Обстановка гостиной сначала показалась Полю скучной. Серые стены с широкими белыми карнизами напомнили ему униформу гувернанток начала прошлого века. Но при ближайшем рассмотрении интерьер завоорожил его своей элегантной простотой: белоснежные деревянные панели, закрывающие стены на треть, были покрыты искусной резьбой, а простота предметов интерьера с лихвой компенсировалась дороговизной материалов.

Народ уже заполнил гостиную. Все было тихо и чинно, как любил отец, а теперь и мать с нарочитым рвением изображала скорбящую вдову – в лучших традициях дома Мартини. Приглушенное гудение десятков голосов, неспешное движение и темные тона костюмов присутствующих напоминали Милен какое-то ритуальное бдение. Она отмахнулась от язвительных мыслей и стала искать глазами мать. Это заняло у нее не больше десяти секунд, так как было сложно ее не заметить: высокая, худая, с прямой, точно палка спиной, она стояла в компании папиных коллег с бокалом шампанского в руках.

– Вон она, – Мила указала взглядом на другой конец зала и, не оборачиваясь на Поля, направилась к матери.

– Мама, – окликнула ее Милен.

Женщина обернулась. Вблизи она казалась еще выше и суше: ее накрашенные красной помадой плотно сжатые губы придавали вытянутому лицу выражение усталой безразличности, а гладко зачесанные назад черные волосы словно подчеркивали драматизм мероприятия.

Милен поздоровалась с собеседниками матери: кому-то просто протянула руку, а кому-то позволила себя по-приятельски обнять.

– Знакомьтесь, это Поль, – представила она своего спутника, и как только с церемониями было покончено, она взяла мать чуть выше локтя и отвела в сторону: – Познакомься, это Поль, мой жених, – еще раз уточнила она, а затем развернулась к парню: – это моя мама, мадам Мартини.

При взгляде на приятеля дочери лицо ее прояснилось, а проницательные карие глаза остановились на нем с выражением сдержанного любопытства.

– Зовите меня Зои, – она протянула Полю руку.

Как мужчина из хорошей семьи, он тут же продемонстрировал ей свои безупречные манеры, приложившись к ней губами.

«Подхалим», – подумала Милен и криво усмехнулась. Она была рада тому, что все идет гладко и что Поль с ней. Один на один с матерью она опять начала бы психовать, и, как всегда, визит домой закончился бы для нее парой дней депрессии.

Не успела Мила еще что-то сказать, как к ним подошел высокий полный мужчина. Даже его строгий черный костюм не мог собрать его расплывшуюся фигуру, ну прямо коп из американских боевиков. Голова его была почти лысой, как у грифа, и только на висках и затылке торчали коротко стриженные светлые волосы, придающие его обрюзгшему лицу какой-то отвратительной слащавости. Он уставился на Милен с той хамоватой подозрительностью, которая свойственна блюстителям правопорядка. Она почти не сомневалась, что этот нагловатый тип – какой-нибудь жандармский начальник.

Вместо приветствия он чуть заметно кивнул молодым людям и, беспардонно взяв мать под руку, отвел ее в сторону.

– А все, чего уставился? Кина не будет. Пошли чего-нибудь съедим. Я, когда нервничаю, все время есть хочу, – Мила потянула растерявшегося Поля к фуршетному столу, возле которого, изучая закуски, постоянно толклись гости. Как ни крути, а большинство из них собирались здесь с одной целью – пожрать. Мама, конечно, это знала, поэтому стол ломился от угощений. Ну а что тут поделаешь? Давно почивший друг куда менее интересен, чем возможность набить брюхо и посплетничать. Она взяла с приставного столика две тарелки и, протянув одну Полю, начала выискивать глазами то, с чего бы ей хотелось начать трапезу.

– Мила, – послышался за ее спиной радостный голос.

Обернувшись, она увидела приземистого старичка. Его круглое лицо расцвело от улыбки, собравшей в уголках водянисто-голубых глаз лучики морщин.

– Диди.

Мила, отставив тарелку на стол, крепко обняла старого знакомого и стояла так, пока он похлопывал ее по спине мягкой старческой ладонью.

– Познакомишь меня со своим приятелем? – выпустив ее из объятий, он кивнул в сторону стоящего рядом Поля.

– Конечно. Это мой жених – Поль, – начала она. – Милый, это Дидье Томи, папин компаньон и друг.

Мила никогда не называла Поля на людях «милый». Поэтому он сопровождал протянутую старику руку радушной улыбкой.

– Жених? И когда ждать приглашения на свадьбу?

Мила слегка растерялась от такого напора. Диди взял ее за руку и с лукавым прищуром посмотрел в глаза.

– Никак наша бунтарка Милен смутилась? Думаю, молодой человек, это серьезно, – засмеялся он, глядя на Поля.

– Надеюсь, – Поль перевел взгляд на все еще смущенную Милу.

– Даже не сомневайся, – она поспешила закончить разговор, зная о бесцеремонности и чувстве юмора Диди. – Ты маму не видел? – торопливо спросила она, пока Диди не начал выяснять подробности.

– Как не видел, вон она, – он кивнул в сторону двери, в которую как раз входила мать с тем наглым типом, что так беспардонно ее увел. – Опять с этим Олсоном путается, – брезгливо выплюнул старик, провожая их взглядом.

– Ты его знаешь? – спросила Милен, видя, что не только у нее толстяк вызывает отвращение.

– Да как не знать, милая. Гнусный тип. С таким спутаешься – сам в дерьме измажешься. Я уверен, что у него на всех присутствующих имеются секретные папочки. Поэтому с ним никто не связывается. И ты не вздумай, – совершенно серьезно предостерег он.

– И какие дела его связывали с папой?

– С папой? О нет, родная, Крейг – друг твоей матери, – ни без сарказма пояснил Диди.

– Мамин? – недопоняла Милен.

– Твой отец на порог бы этого мерзавца не пустил.

– Как же он допустил, чтобы мама с ним общалась?

– Она стала открыто приводить его в дом только после смерти Филиппа, – пояснил Диди.

– Открыто приводить в дом? – переспросила Мила.

– Прости, дорогая? – словно не расслышал старик.

– Ты сказал, что она стала открыто приводить его в дом только после папиной смерти, – повторила Милен.

– Я так сказал? В самом деле? – Диди ловко включил старческую забывчивость, глядя на нее с благодушной улыбкой. – Прости, родная, – бросил он и уже тянул руки к проходящему мимо высокому худошавому брюнету. – Даниэль.

– И что это было? – спросил Поль, поедая бутерброд с икрой.

– Не знаю, – задумчиво протянула Милен, глядя в спину быстро удаляющемуся Диди.

* * *

Милен сидела в кожаном кресле отца и, упершись ногами в пол, поворачивалась из стороны в сторону. Поль нашел себе собеседника, и Мила без зазрения совести решила совершить очередной набег на папины бумаги. Но стоило ей снова оказаться в его кабинете, как мысли тут же устремились в прошлое, и она совершенно забыла, зачем пришла.

Сколько раз, сидя на коленях отца, она играла за этим столом или беспардонно разрисовывала его отчеты. Он позволял ей все. Все, кроме верхнего ящика стола. Туда ей лазить было строго-настроено запрещено. Однажды она все же решила его послушаться и в первый раз за свои десять лет увидела его по-настоящему рассерженным. Потом нарезала круги вокруг его стола, гадая, что же такого секретного он там прячет. Да, желания сбываются, но подчас не так, как мы хотим. Она до сих пор помнила тот громкий, разрывающий сонную тишину ночи хлопок. Несмотря на болезненность воспоминаний, Мила их ревностно хранила. Возможно для того, чтобы еще раз напомнить себе о хрупкости нашего существования, о ранимости тех, кого мы любим? Ведь тот роковой выстрел навсегда уничтожил и часть ее души.

Милен перестала крутиться и медленно выдвинула верхний ящик стола. Пистолет лежал на месте, под ворохом каких-то старых деловых бумаг. После всего случившегося мать не потрудилась избавиться от него. Она точно знала, что Мила не удержится и снова залезет в бумаги отца.

Она вытащила пистолет из черного бархатного футляра. Он был тяжелый, и казалось, что от него до сих пор пахнет порохом. На экспертизу его не забирали: мать подсуежилась и, чтобы защитить имя отца и семью от пересудов, причиной смерти записали инфаркт. А с Милы она взяла обещание, что никто и никогда не узнает, что на самом деле произошло в ту ночь за закрытыми дверями его кабинета.

Воспоминания мерзким комом подступили к горлу, словно не было всех этих лет, и она снова стояла в кабинете в одной ночной рубашке, разбуженная среди ночи громким звуком. В

первые минуты, переступив порог, Милен пребывала в состоянии какой-то странной отрешенности, будто все это происходит не с ней. Она медленно, шаг за шагом приближалась к столу. В кресле, завалившись набок, грузно обмяк отец. Вся правая сторона головы и ворот голубой рубашки были залиты кровью, которая в тусклом свете настольной лампы казалась черной. В этой звенящей тишине слышалось только тиканье настенных часов. И этот страшный контраст стремительно бегущего времени и его неподвижной фигуры привел ее в чувства, обрушившись всей своей тяжестью и неотвратимостью. Тело ее словно растеряло все кости – стало бесформенным и тяжелым, ноги задрожали. Она упала на колени, упираясь трясущимися руками в пол. Мир исчез, сжался до его руки, безвольно свисающей с подлокотника кресла, до пистолета на полу. В нос ударил запах пороха и крови. Кто-то схватил ее за плечи и резко рванул вверх, дальше была только пустота – черная звенящая бездна.

Мила поспешила убрать пистолет на место, словно вместе с ним пыталась спрятать и воспоминания, что он пробудил.

Знакомый голос вырвал ее из мучительного плена прошлого.

– Все никак не успокоишься?

Милен подняла глаза на вошедшую мать. На ее лице было выражение какой-то странной отстраненности. Тревогу в душе Милен стремительно сменило негодование. Ее оскорбляли ложь и лицемерие матери. Этот прием в честь человека, которого она никогда по-настоящему не любила, и сейчас она пришла в его кабинет только затем, чтобы снова обвинить Милен в вероломстве.

– Если бы ты не упрячилась, мне не пришлось бы рыться в его бумагах, как воришке. Каждый раз такое ощущение, что я его предаю, – Милен старалась говорить спокойно, но бешено бьющееся сердце заставляло ее голос дрожать и сбиваться.

– Я же тебе сразу сказала, всеми бумагами занимался отец. Я была не в курсе. Да и зачем это мне? – совершенно бесстрастно ответила мать, даже не взглянув на дочь.

– Ну да... Ну да... – с притворным пониманием согласилась Мила и с силой захлопнула ящик стола.

Ей хотелось, чтобы мать вздрогнула, прикрыла глаза, ощутила хоть какую-то эмоцию – лишь бы стереть это безразличие с ее лица.

– Пойдем к гостям, здесь ничего нет, – холодно сказала Зои и направилась к выходу. В дверях обернулась, дожидаясь, когда дочь последует за ней.

Мила усмехнулась, понимая, что мать не оставит ее в покое и, медленно поднявшись из-за стола, направилась следом.

Когда они оказались в холле, Зои тут же куда-то испарилась, оставив Милен в одиночестве кипеть от бессилия и гнева. Девушка быстро вошла в гостиную, отыскала среди гостей Поля и, бесцеремонно прервав его беседу, потащила к выходу.

– Что стряслось? Ты хочешь уехать?

– Да, – огрызнулась Милен, не поворачиваясь.

– Что, даже не попрощаемся с твоей мамой?

– Я уже это сделала за нас обоих, – с раздражением ответила Мила.

Она старалась не смотреть на Поля, так как понимала, что не права. Ведь для него это – знакомство с ее матерью, и он хочет произвести хорошее впечатление. Но она была уже сыта визитом домой. Чувствовала, как ярость начинает настойчиво пульсировать в висках, пытаясь перерасти, в головную боль. Это была наивысшая точка кипения, и после этой фазы они с матерью обычно начинали орать друг на друга. Ну, как орать? Орала только Милен, Зои, как всегда, была сама невозмутимость, и скоро Мила начинала чувствовать вину, считать эту ссору

очередной своей ошибкой. В общем, она старалась не доводить до крайностей. А Поль? Поль скоро привыкнет.

* * *

Весь обратный путь Мила пребывала в состоянии какой-то зудящей нервозности. То она рылась в бардачке в поисках жвачки, то, не найдя ее, принялась искать конфеты, которые постоянно валялись в подстаканниках, но, как назло, не сегодня. Затем полезла на заднее сиденье, чтобы достать из сумки воду. Осушив бутылку, принялась переключать радиостанции. Наконец, ругаясь себе под нос, совсем выключила музыку, откинулась на сиденье и зло уставилась в окно. За стеклом мелькали все те же аккуратные деревеньки, которые они проезжали днем. Но сейчас, в вечерних сумерках, без буйных красок дня, они походили на стоящих вдоль дороги грязных попрошайек, глядевших на них глазами темных окон.

В образовавшейся тишине, которую разбавлял только шум двигателя, Милен начала успокаиваться. Она повернулась к Полю, который за все время пути даже не пытался заговорить с ней:

– Прости, – коротко сказала она.

Поль мельком взглянул на нее и снова уставился на дорогу.

– Я знаю, это не самое удачное знакомство с родителями, – виновато улыбнулась она. Но Поль снова проигнорировал ее слова. – Поверь, даже если бы мы приехали специально для этого, все закончилось бы точно так же.

– Да брось, – прервал он раздраженно. – Ты все это мне говоришь? Пару месяцев назад отцу подарили новенький «Астон Мартин». Ты знаешь, как я мечтал об этом автомобиле! Я попросил его дать мне ее хотя бы на время. Он все равно не водит машину. Ну что ему стоило? Знаешь, что он мне ответил? – Поль вдруг резко повернулся к ней, и Мила опустила глаза, чувствуя себя отчаянно виноватой. – Он сказал мне, чтобы я заработал на нее, а не кланчил. Мне словно пощечину дали. И так во всем. Так что не нужно разыгрывать мелодрам, – выделяя каждое слово, проговорил он и снова уставился на дорогу.

Гнетущую тишину разорвал телефонный звонок. Поль взял трубку и несколько секунд смотрел на светящийся экран.

– Ну конечно, – буркнул он и с силой нажал «ответить». – Привет, – произнес он сдержанно. Его брови поползли вверх. – Почти приехали. Что-то случилось?

– Ты есть хочешь? – спросил он Милу, на что она отрицательно покачала головой.

– Нет, – бросил он в трубку. – Минут двадцать.

Он отключил мобильник и бросил его в подстаканник.

– Прямо вечер сюрпризов, – не отрываясь от дороги, раздраженно проворчал он.

Мила несколько минут молчала, ожидая, что он сам расскажет, в чем дело, и, не дождавшись, спросила:

– Кто звонил?

– Отец, – после небольшой паузы ответил Поль.

– И? – не унималась Милен, услышав, о ком идет речь.

– Спросил, когда вернемся.

Мила продолжала внимательно смотреть на него:

– Просто он никогда не звонит сам, всегда только через мать. А тут такая забота. С чего бы это?

– Может, волнуется? Уже совсем темно.

Поль с сарказмом посмотрел на Милу и снова отвернулся.

Больше они не разговаривали, а через полчаса уже въезжали в высокие кованые ворота.

Дом с пугающей отчетливостью смотрел на них вереницей темных окон, пока они поднимались по ступеням крыльца. Через несколько минут Мила уже была в своей комнате. Поль машинально чмокнул ее в щеку и устало побрел дальше по коридору.

Мила чувствовала себя вымотанной. Она злилась: на мать, на Поля, даже на Жано, но больше всего на саму себя. Это было ее обычное состояние после возвращения из родительского дома, но сегодня было особенно мерзко. Она обидела Поля. Просто так, ни за что.

Она сбросила с себя туфли и, не раздеваясь, легла на кровать.

Глава 6

Как Милен ни старалась – уснуть у нее не получилось. Мысли в голове роились, как пчелы: она снова вспомнила слова Диди о приятеле матери. Олсоне, кажется. И что маму может связывать с таким типом? К тому же она снова ни на шаг не продвинулась в своем расследовании. Плюс ко всему повздорили с Полем, и Милен не покидало отвратительное чувство вины.

Всю свою жизнь Милен словно писала черновик – ей казалось, что времени еще полно, еще чуть-чуть, и она начнет переписывать набело. А совсем недавно поняла, что переписывать нечего. Единственный человек, которого она по-настоящему любила, уже умер, а все остальное – лишь пыль. Поэтому с такой маниакальной упертостью она искала свою родную мать – уж она-то должна ее любить. Мила словно пыталась найти опору, чтобы зацепиться за нее в этом мире пластиковых чувств. Раньше она думала, что такой опорой стал для нее Поль, пока она не встретила Жано, с которым ощущала какое-то странное родство. Может быть, это – одиночество, что иногда проскальзывало в глубине его холодных глаз?

Ей снова захотелось испытать щемящее чувство опасности, которое охватывало ее рядом с Жано, вдохнуть его силу. Снедаемая этим внутренним зудом, она выскользнула в полутемный коридор.

В кухне был привычный полумрак, Жан стоял к ней вполоборота и смотрел в окно. Он словно нарочно не обернулся. Будто давал ей возможность совершить ошибку, ради которой она пришла сюда. Милен понимала – это безумие. Но жажда почувствовать себя живой перебила голос разума. Она мягко подошла сзади и положила руки ему на плечи. Он вздрогнул, и спина его тут же окаменела. Сердце лишь трижды успело удариться о ребра, когда она поняла, что это была ловушка. Демон, почуяв ее замешательство, уже не отпустит. Она отпрянула, пытаясь спастись бегством, но Жан не позволил ей.

Он схватил ее за запястье и притянул к себе. Его глаза блестели в полутьме, а лицо искажилось гримасой бешенства. Она попробовала вырвать руку, но он не дал.

– Мне кажется, вы неправильно начинаете свое существование в этой семье, – прошипел он ей в лицо.

Жан не сводил глаз с ее лица. Скулы его вздулись желваками, а губы странно изогнулись. Миле казалось, он едва сдерживается, чтобы не ударить ее.

– Вашу семью? – вдруг выпрямившись, со злостью бросила ему в лицо Милен. В сознании очень вовремя всплыл разговор в машине. – А вы знаете свою семью? Свою жену, сына? – она не давала ему вставить ни слова. Теперь уже девушка жалась к нему всем телом, как нарывающий на разборку хулиган. Она знала, если он снова заговорит, ей сложно будет удержать инициативу. – Вы хоть раз читали статьи Поля? Что, нет? – с вызовом спросила она, видя промелькнувшую в глазах Жана растерянность. – Между прочим, он хороший журналист. Не проститутка, подстраивающаяся под редактора, а настоящий, думающий журналист. Он отстаивает свою точку зрения, не боится говорить о том, о чем другие предпочитают молчать, – выплюнула она ему в лицо, явно намекая на то, что он-то как раз из тех, кто не готов пойти против системы.

Мила вдруг почувствовала, что перегнула палку и замолчала. Та нерастраченная глухая злоба на мать совершенно неожиданно нашла выход в этом нелепом разговоре.

– Вы несправедливы.

В его голосе уже звучала привычная уверенность, которая только усиливала раздражение Милен.

– Несправедлива? У вас полный гараж отличных машин. Прокатите меня на красном «Астон Мартине», – Мила смотрела на него с вызовом, словно хотела испепелить взглядом.

– Я не вожу автомобиль, – ответил он после короткой паузы. – У меня для этого есть водитель, если вы заметили.

Милен чувствовала, что мсье Бушеми пытается прекратить ставший неприятным для него разговор, но никак не могла остановиться. Обида на весь мир все еще klokотала внутри, а он стал замечательной отдушиной.

– Зачем тогда они вам? Машинки собираете? – усмехнулась она, не прекращая попытки достать его. – Или вы, как истинный коллекционер, не любите, когда трогают руками ваши экспонаты? Вы знаете, что такое «Астон Мартин»?

– Средство передвижения, – спокойно глядя ей в глаза, ответил он.

– Нет, это не просто средство передвижения. Это – свобода. Вы знаете, на что способна эта машина? Пойдемте.

Она схватила его за запястье и потащила в сторону гаража. Он невольно последовал за ней, явно желая узнать, чем закончится весь этот спектакль.

Оказавшись в гараже среди сверкающих, начищенных до зеркального блеска автомобилей, приятного запаха новенькой резины и неприличной роскоши, Милен почувствовала неуверенность, словно стала приходить в себя. Она отпустила его руку, стараясь не смотреть на него.

– Где ключи? – Мила даже вздрогнула от того, насколько резко прозвучали ее слова.

– В машине, – совершенно спокойно ответил Жан, видя ее замешательство. – В бардачке. И от гаража – тоже.

Он уверенно открыл дверцу и первым сел в машину. Поймав на себе его взгляд, Мила поспешила занять водительское место. Она снова замялась. Для того чтобы достать пульт из бардачка, ей придется навалиться на мужчину, а сейчас, когда она начала остывать, это стало казаться ей чем-то ужасно неприличным.

– Подайте мне брелок, – она протянула раскрытую ладонь, и он, чуть помедлив, положил в нее маленький прямоугольный пульт.

Милен пробежалась глазами по кнопкам и нажала верхнюю. Зашелестели, открываясь, ворота, и Мила с облегчением выдохнула. На мсье Бушеми она старалась не смотреть, понимая, что, если сделает это – мучительно покраснеет до корней волос. Сейчас, когда она окончательно пришла в себя, чувствовала ужасную неловкость. Откуда в ней взялось столько злости?

«Черт возьми, – выругалась она про себя и, нажав кнопку старт, услышала раскатившийся по гаражу низкий рокот. – Ну, детка, теперь только не подведи».

Она включила заднюю и довольно резко развернулась. Пассажир, видимо, не привыкший к такой агрессивной езде, невольно схватился за ручку двери.

Мила краем глаза уловила его движение и с каким-то неожиданным злорадством резко нажала на педаль газа. Движок взревел, и с силой всех доступных ему лошадей бросил машину на улицу.

– В трёхстах метрах ворота, – напомнил Жан.

Несмотря на боевой настрой, педаль газа она предусмотрительно отпустила. Машина поехала плавнее. Однако стоило им выехать за ворота, как Милен снова вдавила ее в пол.

Мотор приятно зарычал где-то у нее в груди, разливая по телу восторг. Машина чуть присела, вцепившись в дорогу и понеслась вперед. Ветер трепал длинные волосы Милен, накрывая лицо, словно шелковой вуалью.

Было темно, и только свет мелькавших вдоль дороги фонарей, сливающийся в одну светящуюся линию, напоминал ей о скорости. Она летела вперед, навстречу свободе. Как когда-то в юности, пытаясь убежать от проблем и неприятностей.

В первый раз это произошло, когда ей было четырнадцать. Родители сообщили о том, что она едет в новую школу, да еще и в интернат. Мила восприняла это как предательство. Ярость, ненависть, страх, закипали внутри. Она схватила ключи от любимой папиной машины и так

же бешено и рвано выехала во двор. Отец бежал за ней, махая руками, требуя остановиться, но эйфория от того, что она ослушалась, наполняла ее, смешиваясь с гневом. Она летела на бешеной скорости так же, как сейчас, в окна мелькали фонари, и тихий женский голос пел о любви. Все это слилось в ней в какой-то совершенно немислимый восторг.

Она не лукавила: машина всегда была для нее свободой. Правда, тогда ее свобода чуть не закончилась тюремным заключением. Ее засекла полиция. Собрав за собой несколько нарядов, Мила заставила их гоняться за ней по всему городу. Вот это была погоня! Конечно, они все же загнали ее в тупик, но она им показала. В участке ее посадили в клетку с проститутками. Отвратительная несвежесть на лицах от обилия косметики, запах дешевого парфюма – она в первый раз увидела представительниц этой профессии так близко. А еще они постоянно жевали жвачку, точно коровы, с открытым ртом, словно выражали свое презрение обществу. Ей ужасно понравилась тогда их непосредственность, их вызов, пренебрежение правилами.

Отец, конечно, внес залог и обо всем договорился. Буквально через час они ехали домой. В машине было тихо, не играло даже радио. Она всем телом ощущала его раздражение. Тем не менее он молчал. Отъехав от участка на достаточное расстояние, он съехал на обочину и, заглушив мотор, строго посмотрел на нее. Ей захотелось так же, как этим шлюхам, жевать с открытым ртом жвачку ему в лицо, что она, собственно, и сделала. Тогда он в первый и последний раз ударил ее. Она закрыла пылающую щеку своей прохладной ладонью и рассмеялась ему в лицо. Кажется, у нее тогда случилась истерика. Он обнимал ее, просил прощения, а она смеялась во все горло, царапаясь и толкаясь.

«Ненавижу, – орала она, – ненавижу вас всех».

И она ненавидела: за предательство, за то, что спустил на тормоза ее выходку, предпочитая договориться и все замять. Как всегда, как обычно... «мы не выносим сор из избы».

Воспоминания слегка отрезвили Милен и, сбавив газ, она свернула на обочину. Когда машина остановилась, она повернулась к пассажиру, словно только осознав, что рядом с ней уже не отец.

– Вам понравилось? – выдала она первую же глупость, что пришла в голову.

– Понравилось. Но можно мы поедem чуть медленнее? Не хочу испачкать салон остатками ужина.

– Хорошо, – смущенно улыбнулась Мила.

Шины снова зашелестели по дороге, и уже через десять минут они в полном молчании въезжали в поместье. Все, о чем Милен могла сейчас думать, как слить к себе по-тихому? Видеть осуждение в глазах Жано, когда она окончательно взяла себя в руки, было невыносимо.

– Вас проводить? – уже не пытаясь замаскировать насмешку, спросил он Милу, рванувшую к выходу из гаража. И как бы ей ни хотелось воспользоваться его предложением, она коротко бросила: «Нет, спасибо», понимая, что капитулирует.

– Спокойной ночи, – сказал он ей в спину, но дверь уже закрылась, и Мила не услышала его последнюю фразу.

Вернувшись к себе, наскоро разделась и залезла под одеяло.

«Подумаю об этом завтра», – решила она.

Утром на Милен обрушилась вся неприглядность и смехотворность вечернего randevу с мсье Бушеми. Она пыталась ругать себя за несдержанность, но это мало чем помогало от охватившего ее стыда. Благо, Поль счел ее замешательство переживаниями из-за их вчерашней размолвки и, уже окончательно успокоившись, старался поддержать подругу заверениями, что не злится, и даже завтраком в постель. Милен была ему благодарна. Этот прекрасный душевный порыв давал ей время, чтобы успокоиться перед встречей с хозяином дома, которому она вчера так беспардонно нагрубила.

Сославшись на головную боль, она появилась за общим столом только к ужину, на котором узнала, что Жано уехал на очередную конференцию и вернется только завтра. Мила сразу почувствовала себя лучше и даже поболтала с Терезой, пока Поль ездил по каким-то делам в редакцию. Терезе не терпелось узнать все подробности их поездки, и Мила сполна потешила ее любопытство, конечно, обходя все острые моменты.

Следующий день прошел практически так же бездарно, как и предыдущий. Но это затишье давало Миле возможность окончательно прийти в себя. Что было всегда сложно после общения с матерью. Мила уже почти не нервничала перед ужином, решив, что должна попросить у мсье Бушеми прощение за свое поведение. Но за ужином его не было, на вопрос Поля: «Где папа?», Тереза ответила, что он плохо себя чувствует. Милен слегка сникла, приняв эту информацию на свой счет, но отказываться от мысли извиниться не собиралась. Поэтому на следующий день с самого утра она навела справки о его местонахождении, и узнав, что Жано приболел, сделала по своему фирменному рецепту чай с медом и лимоном. Составив все на небольшой поднос, направилась в его комнату.

– Можно?

Милен заглянула в приоткрытую дверь. Мистер Бушеми полусидел в подушках и читал, смешно напялив на кончик носа маленькие прямоугольные очки.

– Я неважно себя чувствую, Тереза сказала? – неуверенно спросил он и, отложив книгу на прикроватную тумбочку, незаметно стянул с носа очки.

– Да, сказала. Я принесла вам чай с медом.

Она прошла в комнату и поставила поднос на тумбочку рядом с книгой.

– Надеюсь, я не помешала? Вы работали?

– Нет, просто пытаюсь убить скуку.

– Получается? – поинтересовалась Милен.

– Ну, худо-бедно... Если вы не торопитесь или, как Тереза, не боитесь подхватить что-нибудь смертельное, можете составить мне компанию, – предложил он.

– С удовольствием.

Милен решила воспользоваться возможностью и, придвинув небольшое кресло ближе к кровати, села.

– Что вы читали? – тут же спросила она, пытаясь побороть неловкость.

Мила вытянула шею, чтобы рассмотреть обложку книги.

– М-м-м, Бодлер, «Цветы зла».

– Читали? – поинтересовался он.

– «О, Боже! Дай мне сил глядеть без омерзенья на сердца моего и плоти наготу», – процитировала она по памяти.

– Прекрасно. Сейчас мало кто может похвастаться знанием Бодлера. Он так же, как сердце, нынче не в моде, – улыбнулся Жан.

– Вечные истины всегда в моде. Просто сейчас все меньше людей хотят над ними задумываться.

– Как вам кажется, о чем он говорит в том отрывке, что вы так блестяще процитировали.

– Думаю, речь идет о принятии себя. О том, что ни при каких обстоятельствах нельзя предавать самого себя.

Милен почувствовала неловкость за свой слишком серьезный тон. Но судя по тому, как Жано внимательно слушал, для него это была не просто вежливая беседа, его действительно интересовал ее ответ.

– Почему не выбор правильного пути?

– Что вы имеете в виду под понятием «правильный»? – Мила откинулась на спинку кресла, позволяя ему увлечь себя в рассуждения.

– Разве не этого мы просим у Бога, говоря: «Не введи нас во искушение»? Смирять мысли, мы смиряем плоть. Разве не так?

Его взгляд стал напряженным, словно он силился предугадать, что она ему ответит.

«Смиряем плоть», – она задумалась.

– Я все же позволю себе не согласиться с вами, доктор. В этой строке есть фраза, если вдуматься в ее смысл, отрывок зазвучит по-другому.

Он вопросительно приподнял брови.

– «Дай мне сил». Смирение без осознания невозможно. Лишь поняв и приняв себя, можно говорить о смирении.

– А вы принимаете себя, Милен?

– Да, – чуть помедлив, ответила она. – Думаю, да. Я знаю, кто я. Это не вызывает внутри меня разлада. Каждый человек уникален. У каждого из нас свои вкусы, пристрастия, свои понятия о добре и зле. Когда мы перестаем требовать от мира совершенства, начинаем прощать несовершенства себе.

Жан снисходительно улыбнулся, словно показывая, что она слишком молода, чтобы рассуждать на такие сложные темы. Он сидел в задумчивости несколько минут, в течение которых Мила разглядывала его, пытаясь понять, о чем он сейчас думает? Что так отчаянно хочет «смирить» внутри себя?

– Я хотела попросить у вас прощения за свою нелепую выходку, – начала Мила и, смутившись, опустила глаза, когда он посмотрел на нее. – Я не должна была...

– Вы верите в судьбу?

– В судьбу? В судьбу, в смысле десницы Божьей?

– Нет. В то, что все в жизни происходит не просто так. Что каждый наш поступок определяет будущее.

– Вы говорите о возмездии? – Милен нахмурила брови, пытаясь понять, что он имеет в виду и вопросительно уставилась на Жана.

– Наверное, вы правы. Возмездие, – погружаясь в задумчивость, произнес он и слепо уставился перед собой.

А потом словно спохватился и, развернувшись, попытался взять с подноса чашку с чаем, которую ему принесла Милен.

– Я помогу, – улыбнулась она, и чуть привстав, подала ему чашку.

На мгновение их пальцы соприкоснулись, и Милен словно обдало кипятком, все внутри загорелось, и волнение снова заняло в груди. Она отдернула руку и опустила глаза, чтобы он не успел заметить ее смущения. Мила поглаживала мягкий шелковый подлокотник кресла, словно пытаясь лучше рассмотреть рисунок. Она чувствовала, как он пристально смотрит на нее, чуть слышно прихлебывая чай.

– Хотите, я вам кое-что покажу? – прервал он молчание, которое стало неприятно давить на барабанные перепонки.

– Коллекцию машинок? – не удержалась Милен.

– Нет, – выдохнул он с улыбкой.

– Что, сейчас?

– Конечно.

Жан отставил чашку обратно на поднос и слишком проворно для больного поднялся с кровати. Он выжидающе посмотрел на продолжающую сидеть Милен.

– Вы себя как чувствуете? Может быть, повременим с этим? Покажете, как только поправитесь, – спросила Милен, поднимаясь из кресла.

– Не развалюсь по дороге, не волнуйтесь за меня.

– Ну хорошо, – согласилась Милен и все еще неуверенно направилась за ним следом.

Они вышли в коридор, в котором независимо от времени суток был тот же мистический полумрак. Бахрома абажуров из разноцветного стекла разбрызгивала блики по затянутым в изумрудный шелк стенам. Мсье Бушеми медленно шел впереди, давая спутнице время еще раз насладиться картинами, висевшими вдоль стен.

У Жана был неплохой вкус. Погрузившись в привычный мир изобразительного искусства, Мила расслабилась, с интересом знатока разглядывая весьма разношерстную публику, представленную ее искусственному взору. Вся его коллекция была мастерским смешением стилей. «Видимо, у него неплохой агент», – отметила она для себя. Кроме довольно большой коллекции классической школы, встречались и современные, но уже проверенные временем авторы.

Ничего непредсказуемого, что могло бросить тень на их владельца. Что касается изобразительного искусства – мсье Бушеми был более осторожен, видимо, боялся прослыть невеждой. Мила усмехнулась про себя. Этот человек не давал ей ни единого повода, чтобы вскрыть его пуленепробиваемую броню. «Кто же ты?»

– Как вам моя коллекция? – он остановился, заметив ее интерес к одной из картин.

– Совсем неплохо, – она подошла ближе, продолжая рассматривать прекрасный пейзаж Моне.

Милен старалась не смотреть на мсье Бушеми, она всем телом чувствовала на себе его взгляд.

– Совсем неплохо для новичка? – его голос звучал в той бархатисто-обволакивающей вариации, которая каждый раз погружала ее в транс.

«А что будет, если он дотронется?» – волна колючих мурашек прокатилась по ее спине и бедрам, вернув в реальность.

– Кто составлял вашу коллекцию, доктор? – спросила Мила неожиданно для самой себя громко и слишком уверенно. Словно хотела прервать его странное, почти гипнотическое влияние.

Он скривил тонкие губы в едва различимой улыбке, явно заметив ее смущение.

– Считаете, мой агент плохо справляется со своими обязанностями?

– Я не вправе оценивать работу вашего агента. Все зависит от ваших предпочтений. Дело может быть совсем не в его компетенции, а в вашей неуверенности.

– Неуверенности в чем?

– Видите ли, мир современного искусства – это часто вызов: себе, обществу, – с жаром начала она, но заметив его изучающий взгляд, смутилась и поспешила немного отойти.

– Идемте, – и, развернувшись, он быстро зашагал в полумрак.

– Разве мы еще не пришли? – уже на ходу спросила Милен, стараясь не отставать.

– Еще нет.

Они прошли до конца коридора и, свернув в какую-то неприметную дверь, очутились на узкой деревянной лестнице. Казалось, что это какой-то потайной проход. Милен прибавила шаг, так как мсье Бушеми уже сбежал вниз и скрылся за ближайшим поворотом.

– Ой, простите, – отскочила она от его широкой груди, влетев в нее на полном ходу.

Он не сказал ни слова и, открыв очередную дверь, щелкнул выключателем. Мила на секунду зажмурилась от яркого света, ударившего ей в глаза. Привыкнув к освещению, осмотрелась. Они оказались в небольшой, совершенно пустой комнате, все стены которой от пола до потолка были завешаны картинами. Здесь не было привычной классики, все они представляли собой современное искусство. Со стен на нее смотрели искаженные самыми невероятными, даже нелепыми трансформациями лица и тела, плачущие собаки. От ярких красок закружилась голова. Обхватив ее плечи, Жан помог ей сесть в небольшое кресло в центре комнаты.

– Поначалу у всех кружится голова, – его теплое дыхание коснулось ее виска, пустив по телу электрический разряд.

– Просто у вас не совсем удачно выставлен свет, и по поводу соседства картин я бы тоже поспорила.

– Здесь, за очень редким исключением, бываю только я, – ответил он на ее замечание.

– То есть мне выпала редкая возможность? – Мила посмотрела на него через плечо.

– Честолюбие не позволяет мне проигнорировать присутствие эксперта в моем доме, – начал он. – Что бы вы ответили, попроси я вас составить каталог моей коллекции? Вы ведь, насколько я понимаю, современным искусством занимаетесь?

– В основном – да.

– Да, я помню шумиху, которую наделало пару лет назад ваше псевдооткрытие.

Милен невольно улыбнулась. Конечно, она сразу поняла, о чем он.

А речь шла о скандально известной выставке современного искусства, организованной как раз галереей «Valeur».

На одной из посиделок выпускников Академии художеств, к которым относилась и Мила, произошел спор о критериях оценки современного искусства. Мила придерживалась мнения, что рамки эти чересчур размыты, и на цену и ценность картины влияют слишком много факторов, таких как: политика, экономика, общественное мнение, маркетинговые ходы дилеров, причуды коллекционеров, капризы критиков, постоянно меняющиеся вкусы и, конечно, средства массовой информации. Как это часто бывает в молодежных тусовках, беседа была сдобрена большим количеством алкоголя и честолюбивыми амбициями участников. Спор вышел жарким, и самые стойкие его участники, а ими оказались Милен и ее нынешний начальник Дин, заключили пари: Милен из самого обычного человека, никогда не державшего в руках кисть, за месяц сможет сделать признанного художника.

В случае победы Дина Милен полгода должна была работать на него бесплатно, если выиграет Мила – он берет ее на должность ведущего специалиста и делает своей помощницей.

Проснувшись наутро, Милен не раз пожалела о своей неосмотрительности, но уговор, как говорится, дороже денег, и она начала продумывать план.

Через месяц в галерее «Valeur» открывалась новая выставка. Среди прочих на ней был заявлен никому не известный, но за прошедший месяц наделавший немало шума в соцсетях и в средствах массовой информации художник. История его была романтической и трагичной одновременно. Молодое дарование Алекс Нихель к своим двадцати трем годам уже успел разочароваться в искусстве, в себе, как в художнике, и решил выкупить все ранее проданные им картины и уничтожить. Что он, собственно, и сделал, а после покончил с собой, прыгнув с моста. Уцелели только два его полотна, которые и выставлялись среди прочих в галерее.

Мероприятие собрало небывалое для галереи «Valeur» количество желающих взглянуть своими глазами на работы.

После ажиотажа вокруг полотен, восторженных отзывов критиков и беспрецедентных двадцати тысяч евро за картину, наутро вышла статья молодого журналиста Пьера Бушеми, взорвавшая художественный бомонд. В ней рассказывалось о произошедшей мистификации. Оказалось, что такого художника никогда не существовало, а картины написала сама Милен.

Разразился скандал, в неловком положении оказались многие. Но, когда шумиха немного утихла, произошедшее предпочли охарактеризовать как розыгрыш. В оправдание можно было сказать, что картины оказались весьма недурны, а эпатажная слава полотен в разы повысила их рыночную цену, так что все остались в выигрыше.

Милен получила свой приз, хорошего друга, скандальную репутацию и кличку Гиена. Ее боялись, ее ненавидели, но одно было бесспорно – после случившегося к ней прислушивались.

– Давно вы об этом знаете?

– Я, конечно, отношусь к миру искусства постольку-поскольку, но даже среди простых обывателей та статья наделала много шума. Должен сказать, это было смело.

– Смело с моей стороны придумать все это или со стороны Поля осветить этот скандал в газете? По-моему, это была его первая большая статья.

На лице Жана вспыхнула мимолетная снисходительная улыбка:

– Обоих.

Он отвернулся к стене и, заложив руки за спину, делал вид, что разглядывает картины. Милен смотрела на него и не могла понять, почему он не хочет показывать свой интерес к жизни сына? Что это: строгое воспитание, боязнь показаться слабым?

– Так что вы решили? – поинтересовался он, чуть погодя.

– Почту за честь, доктор.

– Можно личный вопрос? – спросил он, когда они поднялись по деревянной лестнице и снова оказались в полутемном коридоре.

– Конечно.

– А почему Гиена?

Мила выдохнула смущенную улыбку и, чуть замедлив шаг, повернулась к нему:

– Видите ли, – неуверенно начала она, – у самки гиены, так же как у самца, есть ложный пенис. Ну, если в двух словах, это почти то же самое, что женщина с яйцами.

Мила чувствовала, как лицо ее стремительно заливают краска. Опустив глаза, она быстро зашагала дальше.

«Черт возьми, – ругала она себя, пытаясь успокоиться, – как школьница, краснеешь от слова пенис».

Она была благодарна мсье Бушеми за то, что он больше не пытался задавать ей вопросов, но те несколько метров, которые оставались до его комнаты, она отчетливо ощущала его насмешливый взгляд, прожигающий дыру у нее между лопаток.

* * *

Те дни, что Жан провалялся в постели, Мила полностью посвятила себя его коллекции. Начала составлять каталог работ, подбирала полотна, которые выгодно ее дополняют. Несколько раз навещала в комнату больного, уточняя детали, так как некоторые картины требовали внимания реставратора. Она, наконец, выставила правильный свет в помещении галереи.

Эти несколько дней сблизили их. Ей нравилось его общество. Нравился его неожиданный профессионализм, наличие собственного, порой прямо противоположного, мнения, аккуратность даже в мелочах. Скоро она поймала себя на мысли, что слишком уж рьяно выискивает какие-то проблемы, чтобы увидеть его снова. А еще это был прекрасный повод не участвовать в болтовне с Терезой, которая начинала ее порядком доставать.

Отчаянная работоспособность мсье Бушеми, привитая, как она поняла из разговора с Терезой, его покойным отцом, не позволила ему предаваться лени, и уже в понедельник с утра Милен разбудил шелест шин отъезжающей от дома служебной машины. Она перевернулась на другой бок, но вибрирующий на тумбочке телефон не дал ей снова заснуть.

– Ну что опять? – недовольно проворчала она.

Глава 7

Мила сделала несколько шагов вглубь кафе. И пока она наслаждалась витающими в воздухе ароматами выпечки и кофе, ее заметила девушка-администратор и с приветливой улыбкой поспешила навстречу.

– Добрый день, вы пообедать?

– Да... собственно, я подругу ищу, – ответила Милен, продолжая обшаривать глазами зал. Увидев Бет в дальнем углу у окна, она кивнула администратору: – Спасибо, уже нашла, – и направилась к столику.

Бетти, высунув от усердия язык, что-то печатала в телефоне, не обращая внимания на подошедшую подругу.

– Привет, – Мила опустилась на небольшой кожаный диванчик напротив. Достала из сумочки мобильник и положила на стол. Ей в любой момент мог позвонить Дин – в последнее время он был на взводе, и ничего, что у людей обед.

– Привет, – Бет, обаятельная шатенка с копной длинных рыжих волос, собранных в низкий хвост, привстав, потянулась через стол, чтобы чмокнуть подругу.

Милен никогда не понимала смысла в этом действии, но, устав спорить с Бетти, которая считала его чуть ли не талисманом на удачу, смиренно подставила щеку. К их столику подошла молоденькая официантка и протянула Милен меню.

– Вы сразу сделаете заказ, или мне подойти позже?

– Думаю, я начну с кофе. Двойной капучино, пожалуйста. Софи, – добавила Мила, прочитав имя на бейдже, приколотом к белой рубашке на практически плоской груди официантки.

Легкая тень разочарования скользнула по милому личику Софи и, убрав приготовленный блокнот и ручку в широкий карман на переднике, она коротко кивнула и удалилась.

Не успела Бет произнести ни слова, как, елозя по столешнице, завибрировал телефон. Отрешенность на ее лице тут же сменилась взволнованным интересом. Стараясь скрыть его от подруги, она взяла мобильник и с невозмутимым видом направилась к выходу.

– Прости, я сейчас.

Милен криво усмехнулась, глядя вслед удаляющейся подруге. Наверняка новый бойфренд. И принялась лениво водить глазами по названиям блюд в меню, но больше – по красочным картинкам, в очередной раз убедившись, что фотографирование еды – определенно, искусство.

Это кафе подруги присмотрели лет пять назад. Они только что закончили академию. Стремление к независимости и радужные планы на будущее привели их в этот тихий райончик на окраине Парижа, где они сняли одну на двоих квартирку на верхнем этаже дома напротив.

Милен хорошо ее помнила. Высоченные потолки с кое-где сохранившейся витиеватой лепниной а-ля мадам де Помпадур и большой неработающий камин, в котором они хранили книги, создавали впечатление затерянного во времени королевского замка. Изначально ванной либо не было совсем, либо она была крошечной, и чтобы жилплощадь пользовалась спросом, хозяева увеличили ее за счет части коридора. В итоге получилось пугающее нечто: длинное и кривое помещение, которое девочки называли «аппендикс».

А еще их квартирка была местом встреч многочисленных друзей, знакомых, просто интересных людей. Они общались, пили пиво, решали какие-то проблемы вселенского масштаба, в общем – было весело. А когда недовольные соседи начинали угрожать полицией, вся шумная компания выплескивалась на улицу и оккупировала это самое кафе, хозяином которого в то время был пожилой господин. Поначалу он с недовольством воспринял интерес к своему заведению со стороны такой беспокойной публики, но со временем свыкся и даже принимал приглашения разгоряченной молодежи обсудить какую-нибудь животрепещущую тему. Деятели

искусства были ребятами упертыми, имеющими свое, подчас радикальное мнение на все события, что происходили тогда в городе. Такие посиделки заканчивались чаще всего громкими спорами, но в следующий раз хозяин снова подсаживался к ним, и все повторялось сначала. Звали его Рене. Через два года после их знакомства он скоропостижно скончался от инсульта, и кафе перешло к его старшему сыну Николя. Тот был парнем консервативным и сдержанным, почти ничего после кончины отца менять не стал, но и к гомонящей толпе художников относился с осторожностью.

Их жизнь казалась совершенно бесшабашной, но в то же время какой-то настоящей. Они были собой, были смелыми и каждый день испытывали этот мир на прочность, чего точно не скажешь о них сейчас. Мила иногда ловила себя на мысли, что ужасно скучает по их маленькой квартирке, по шумным посиделкам, которые часто заканчивались под утро, камину-библиотеке и, конечно, уродливой ванной-аппендиксу. Поэтому даже сейчас, когда у каждой была своя жизнь, и квартира Милен находилась чуть ли не на другом конце города, они сохранили привязанность к этой уютной кафешке.

– Это снова я, – Бет сияла, как новенький цент. Она с размаху плюхнулась на кожаный диванчик и, откинувшись на спинку, продолжала теревить в руках телефон, будто ждала, что он снова зазвонит.

– Как дела? Как Полькины предки? – начала она без прелюдий.

Чтобы успокоить бурлящее внутри возбуждение, Бетти взяла в руки ложечку и приняласьковырять ей в куске «Наполеона», лежащего перед ней на небольшой тарелке.

– Нормально, – Милен мельком взглянула на официантку, которая поставила перед ней чашку кофе, источающую приятный горьковато-сливочный аромат.

– Что, просто нормально и все? Подробностей не будет? – недоумевала Бет. Она отложила ложку и вперилась взглядом в подругу.

– Нормально. Что ты еще хочешь услышать? – Милен сделала глоток кофе и облизала с верхней губы пушистую молочную пенку.

– Ну, не знаю, например, в кого Полька такой красавчик? Бьюсь об заклад, в отца.

– Не угадала, в мать.

– Значит, такой балбес точно в отца?

– И тут мимо. На отца Поль совсем непохож – ни внешне, ни по содержанию, – закончила она и сделала очередной глоток.

– А как налаживание родственных связей?

Милен, не отрываясь от чашки, приподняла брови, показывая свою неуверенность в этом вопросе. Бет презрительно фыркнула, засунула в рот здоровенный кусок торта и начала его сердито жевать.

– Да брось, ну каких подробностей ты хочешь? Его отец – бесчувственный истукан, который за эти дни сказал мне от силы два десятка слов. Мать, – Мила на секунду задумалась, – легкая... – нашла она нужное слово. – И трещит без умолку. Сил моих нет. Довольна?

Мила предпочла ограничиться парой безобидных фраз, чтобы скрыть то волнение, которое каждый раз наполняло ее сердце смятением и судорожным восторгом, как только речь заходила об отце Поля. Она даже себе не могла ответить, что это было. А может быть, боялась, ведь еще ни один мужчина не вызывал в ее душе таких противоречивых чувств: растерянности и нежности. Мила, конечно, лгала: в ее жизни был такой человек, но она предпочитала об этом не думать.

– Ну окей. Ты ездила к матери? – серьезно спросила Бет, снова откинувшись на спинку дивана, показывая, что тут она без подробностей не отстанет.

– Да.

– И? – Бет вопросительно подняла изогнутые тонкие брови. – Что она тебе сказала?

Милен вместо ответа лишь неопределенно дернула плечами, изобразив безразличие на лице.

– Что, совсем?

– Почти. Сказала, что документами на усыновление занимался отец, а она, как обычно, не в курсе.

– Возможно, она действительно не в курсе?

Милен посмотрела на подругу с укором.

– Ну, ладно, может быть, ей неприятно об этом говорить. Сама искать не пробовала? – Бет машинально поворачивала чашку из стороны в сторону, и та неприятно скрипела о блюдце, еще больше нервирова Милен.

– Конечно, пробовала, – недовольно фыркнула она, – перерыла все отцовские бумаги, что остались после ее шмона. Ничего.

– А вдруг она просто ревнует? – предположила Бет и наконец оставила чашку в покое.

– Ревнует? – вспыхнула Мила.

– Ладно, – тут же осеклась Бетти, – не ревнует, но по каким-то причинам не хочет, чтобы ты обо всем узнала.

– О чем – обо всем? – снисходительно поинтересовалась Милен.

– Откуда я знаю, какие еще секреты хранили твои родители. Да и не только твои, – поправилась она, опасаясь вызвать у подруги новую порцию раздражения.

– Да к черту, глупая затея. Может быть, она давно умерла, или наркоманка, а может, алкоголичка. Или еще хуже: у нее все хорошо – семья, дети, которых, в отличие от меня, она хотела, – вздохнула Милен.

– Да брось, не верю, что ты сдашься.

– А что ты предлагаешь, утюгом мать пытать? – вспыхнула Милен.

– Ну, зачем так радикально. Документами наверняка занимались юристы твоего отца. Ты же говорила, что он был педантичный мужик. Не думаю, что он не проверил твою родословную на предмет матери-алкоголички или ничего не подозревающего о ребенке горе-отца, – с присущим ей цинизмом выдала Бет.

– Слушай, а ведь, скорее всего, так и есть, – просияла Милен.

– Ну вот, узнаю подругу. А то вся в соплях и расстроенных чувствах, – усмехнулась она. – Предлагаю заказать что-нибудь покрепче и, так сказать, спрыснуть это событие.

– Пить с утра? – недоумевала Милен.

– Ну почему с утра? Сейчас, на минуточку, – она посмотрела на циферблат наручных часов, – без пяти два, а это – почти вечер.

Милен лишь снисходительно улыбнулась, но препятствовать порыву подруги не стала. Пока та выискивала глазами официантку и делала заказ, она погрузилась в размышления: а ведь Бет абсолютно права, и как она сама до этого не додумалась. Хотя, конечно, чему удивляться – приезжая в дом родителей, она переставала быть собой. Это постоянное чувство вины и отчуждения, что после смерти отца стали так прочно связывать ее с матерью, не давали ей мыслить разумно. Каждый раз Милен выходила из себя, когда понимала, что под маской добродетельной опеки скрывается всего лишь нежелание помочь дочери в поисках правды. Когда-то мать сама разрушила ее прошлое, настоящее и, возможно, будущее, а теперь не дает ей даже шанса выстроить на руинах хоть какой-то пригодный к жизни мирок.

– Эй, чин-чин, – Бет протянула к ней высокий запотевший стакан, прерывая ее неуместную рефлекссию.

Уголки губ Милен дернулись в подобии улыбки, и она подняла принесенный Софи коктейль.

«Дин меня убьет».

– Ты когда домой вернешься? – сделав пару глотков, поинтересовалась Бет.

– Сегодня съехали, – выпуская соломинку изо рта, ответила Милен. – И слава богу. Иначе его мать бы меня доконала.

Она снова сделала глоток. Приятное тепло тут же разлилось по телу, унося прочь тревожащие мысли.

– Ну что мы обо мне да обо мне. Как у тебя? – Милен на секунду задумалась, пытаясь вспомнить, как зовут очередного парня Бет.

Они так часто сменяли друг друга, что Милен уже давно бросила попытки запомнить их имена. Все они были на одно лицо. Все как один похожи на бывшего бойфренда Бетти Блейза.

Красавчика с крутой тачкой, капитана школьной команды по футболу. «Мужчина – мечта», – как называла его Бет. Но по неизвестным даже для Милен причинам их пути разошлись сразу после окончания школы. И, зная, что тема для Бетти до сих пор болезненная, она ее не касалась.

– Прости, у меня ужасная память на имена, – виновато улыбнулась Мила.

– Да забей, я сама их не всегда запоминаю. Они отличаются-то только размерами членов, и то не всегда, – цинично усмехнулась Бет, помешивая соломинкой кубики льда в стакане.

– Ну, и как у него... с размером? – спросила Милен и, не выдержав, рассмеялась.

– Ну, знаешь, ничего так, двадцать плюс, – беззаботно пожав плечами, прихвастнула Бет.

* * *

Девушки вошли в двери ночного клуба и сразу попали на другую планету. Толпа внутри, подобно огромному косяку рыб, почти синхронно двигалась в плотном и душном пространстве, созданном запахом тел, алкоголя, пульсирующим ритмом света и музыки. Каждый аккорд, словно ударная волна, расходясь кругами, заставлял их тела вздрагивать и изгибаться, как в ритуальных танцах индейцев, когда, накурившись дури, все впадали в общий транс.

Эта странная атмосфера тут же окутала Милен: сотня децибел музыки гремела в голове, пульсировала в висках, разбегаясь по телу волнами, вибрируя в легких. Бет, шедшая чуть впереди, обернулась к подруге.

– Там свободный столик, – надрывая связки, выкрикнула она, указывая куда-то в глубину душного зала.

Мила не любила ночные клубы. Нет, лучше сказать – опасалась их. Она знала, демон внутри обязательно толкнет ее на какой-нибудь необдуманный шаг. Инстинкт стаи действовал на нее сильнее, чем на других, пугая окружающих полным отсутствием тормозов и напрочь стирая границы, которые она старательно возводила внутри себя. Она боялась и в то же время, как неутомимый мотылек, летящий на огонь, стремилась к этому саморазрушению – именно в нем она чувствовала свободу.

«И как она позволила Бет затащить себя сюда? Неужели пара коктейлей настолько усыпили ее бдительность?»

Стоило им сесть на мягкий диван, со стоящим перед ним большим овальным столом, как из снующей вокруг них толпы вынырнул официант.

– Девочки, – протянув каждой карту бара, он обращался в основном к Бет, которая, по-видимому, была частой гостьей заведения, – чего вам принести? – он, как мистер Кульминация, призывно поднял брови, готовый устроить для них все развлечения мира.

– Марис, – по-хозяйски начала Бет, даже не заглянув в меню, – принеси-ка нам как обычно, – произнесла она тоном знатока, который выработался у нее годами посещения подобных заведений.

Марис с одобрительной улыбкой посмотрел на подмигнувшую ему Бет забрал отложенное на край стола меню и снова растворился в толпе. У Милы возникло настойчивое ощущение

ние, что «как обычно» – это что-то не совсем обычное. Она посмотрела на подругу в ожидании объяснений, на что та только махнула рукой, ответив, что речь шла всего лишь о напитках. И тут же начала обшаривать взглядом зал, явно кого-то высматривая.

Через пару минут, вскинув вверх руку, она уже кому-то интенсивно махала. И буквально через мгновение перед их столиком возник уже прилично разгоряченный Блейз номер какой-то и без приглашения бухнулся рядом с Бет, широко расставив ноги.

Он смерил Милен взглядом и, повернувшись к Бетти, что-то шепнул ей на ухо. Бет тут же рассмеялась. Немного наигранно, как обычно смеются женщины, чтобы польстить понравившемуся мужчине. Судя по виду, думал парень точно не головой, поэтому Миле было абсолютно неинтересно, чем он мог ее так рассмешить. Она бы даже сказала: «Боже упаси». Пока Бет, перехватив инициативу, что-то с упоением шептала ему на ушко, он беспардонно разглядывал Милу. От его бесстыжего взгляда, побывавшего, казалось, везде, захотелось прикрыться. Он, видимо, заметил брезгливую гримасу, проскользнувшую по лицу девушки. Усмехнувшись, развернулся к Бет и демонстративно впился плотоядным поцелуем ей в губы. Минут через пять они, наконец, оторвались друг от друга.

– Мила, это – Рэм. Это о нем я тебе сегодня рассказывала, – объясняла Бетти вполне уже очевидные для Милен вещи. – Слушай, он с другом, ты не против, если он тоже присоединится к нам? – прокричала она через стол.

Тут до Милен стало доходить, что неспроста они оказались сегодня в клубе, а вид похотливо облизывающего свои исцелованные губы красавчика с айкью, как у зубочистки, явно говорил, что идея плохая. Мила подалась вперед, но не успела открыть рот, чтобы возразить, как рядом приземлилось это пришедшее с Блейзом нечто. Она инстинктивно отпрянула, уставившись в серые, блестящие уже не только от яркого света и приличного количества выпитого, глаза.

– Привет, – он закусил губу почти так же, как только что Блейз с неопределенным номером, и ошарашенная Милен изобразила на лице кривую, растерянную улыбку.

– Сэс, – представилось нечто после небольшой паузы. Видимо, Милен прошла отбраковку, и это томно прикусывающее губу чудо решило заговорить.

«Рэм, Сэс... откуда вы такие взялись?» – рвалось с языка, но она сдержалась и с плохо скрываемым раздражением, слишком сухо ответила:

– Милен.

– Красиво, – протянул парень, с той же хамской прямолинейностью разглядывая девушку, как только что его друг.

Мила бросила недовольный взгляд на подругу, которая уже вовсю обнималась Рэмом. Вовремя появившийся официант спас Бет от упреков Милы. Он начал проворно выгружать на стол какое-то невероятное количество бокалов, стаканов и шотов, которые по всем законам физики просто не могли уместиться на подносе, стремительно пустеющем у него в руках. Мила хлопала глазами, а Бет улыбалась, глядя на ее растерянное лицо. Заметив взгляд подруги, Милен театрально поманила ее пальцем и стала делать недвусмысленные намеки соседу на то, что хочет выйти. Но придурок, доставшийся ей в качестве бесплатного приложения к приятелю Бет, прикинулся, что не понимает этого, и с предвкушением ждал, когда она начнет тереться о его колени задницей, пытаясь протиснуться к выходу.

«Сучонок», – пронеслось у Милен в голове.

И тут же неловкий взмах руки опрокинул содержимое высокого стакана ему на штаны. Парень как ошпаренный вскочил на ноги, брезгливо переводя взгляд со своих испорченных, залитых выпивкой джинсов на слишком довольное лицо Милен. Та же, не церемонясь, поспешила на выход.

– Бет, – ее голос прозвучал предупредительным выстрелом, оторвав разомлевшую подругу от выцеловывания шеи очередного красавчика Блейза.

Преодолев оживленную толпу, оккупировавшую узкий коридор, они оказались, наконец, в умиротворяюще тихом туалете. Сильно подвыпившая блондинка, уперев руки в раковину, придиричиво разглядывала свое потрепанное отражение в большом, хорошо освещенном зеркале. Судя по напряженному выражению густо наштукатуренного лица, она пыталась принять какое-то сложное для себя решение. Увидев чужаков, недовольно поморщилась и, сильно покачиваясь, бросила свое тело в дверной проем. Дверь глухо ударилась о стену и медленно, со скрипом, вернулась обратно. Подруги терпеливо ждали, когда все стихнет.

– Этот урод лапает меня, – выпалила Мила на вопросительный взгляд подруги.

– Слушай, придержи коней. Объясни мне, дуре, в чем, собственно, проблема?

– А ты не понимаешь? – голос взвизгнул предательским фальцетом

– Нет, прости.

– Мы с Полем скоро поженимся!

– О, вот только мне про вашу всепоглощающую любовь с Полем не рассказывай, – безразлично бросила Бет, рассматривая себя в зеркале.

Не обращая внимания на нарочито преувеличенный укор в глазах подруги, Бетти развернулась к ней и продолжила:

– Я беспокоюсь за тебя. Ты последнее время на взводе. Твоя мать, предстоящая авантюра со свадьбой, – она держала Милен в плотных тисках карих глаз, не давая ей съехать с темы. – Я реально волнуюсь. С тобой определено что-то происходит. Ну, расслабься, слышишь, – сказала она уже мягче, видя, что та пытается отвести взгляд. – Тебе ведь не обязательно спать с ним, – она вглядывалась в лицо Милы и, не встретив сопротивления, поднажала. – Все не так страшно. Развлекись, пообнимайся и пошли его к черту, – с привычной невозмутимостью добавила она, окончательно убедив Милен в своей правоте.

Они покинули туалет снова подругами – впрочем, как и всегда. Милен аккуратно проехала пятой точкой по коленям, как там его, парня, который уже ликвидировал следы ее небрежности и, развалившись на половину дивана, о чем-то оживленно беседовал с Рэмом. Почувствовав в действиях девушки многообещающую благосклонность, он тут же переключился с друга на откинувшуюся на спинку дивана Милу.

Разговор с Бет и немалое количество алкоголя, наконец, расслабили Милен, и веселее пошло легче. Она непринужденно двигала плечами и елозила попой по мягкому бархату дивана в такт быстро сменяющимся трекам, получая недвусмысленное внимание со стороны уже почти не раздражающего красавчика. Его руки все чаще оказывались под ее юбкой, наглаживая острые колени, все настойчивее пытались добраться до заветных трусов, скрывающих от него то, за чем он, собственно, притащился сюда теплой летней ночью. Улыбчивый официант еще пару раз подходил к их столику и с одобрительной расчетливостью принимал заказы от разгоряченных парней и уже вполне себе доброжелательно настроенных леди. Совсем скоро Мила забыла о тревожащих ее мыслях, погружаясь в привычное для нее состояние неконтролируемого развязного веселья. Градусы выпитого алкоголя смешивались с децибелами туго пульсирующей в висках музыки, давая ей ощущение защиты, как бы по-идиотски это ни звучало. Она чувствовала себя частью происходящего вокруг безобразия, которое ей все больше нравилось. И это ее пугающе беспешабашное стремление к саморазрушению разливалось по телу жаром, окончательно притупляя чувство опасности. Она словно не позволяла себе думать о том, насколько отвратительно то, что она разрешает сейчас безымянному красавчику, который уже достиг цели и погружает ее в этот яркий калейдоскоп ощущений, что кружат вместе с алкоголем ее голову. Все было так отвратительно правильно.

«Я всего лишь шлюха, разве шлюхи ведут себя как-то иначе?» – с безразличным злорадством думала она, теряясь в ощущениях, что дарили чужие настойчивые пальцы.

Мила закрыла глаза – в голове, оглушая, щебетали сумасшедшие синицы, а от прикосновений парня по телу расходились бешеные децибелы удовольствия. Перед глазами все настой-

чивее возникало лицо Жано. Его глаза цвета хорошего выдержанного виски, неприступная линия губ будоражили и требовали ее нежности. Она начала тонуть в этом водовороте чувств и эмоций. И уже она в нетерпении вылизывала эти непреступные губы, ласкала бьющуюся под воротом рубашки венку, отчаянно рвала сопротивляющуюся ее напору ткань, чтобы добраться до потемневших от возбуждения сосков.

Вдруг чья-то упругая мощная струя ударила в унитаз, отрезвляя ее. Этот звук, шедший из-за тонкой пластиковой перегородки, был такой отвратительный, что заставил ее отпрянуть. Милен брезгливо поморщилась, увидев перед собой чужое лицо с приоткрытым ртом и лихо-радочно блестящими глазами. Она почувствовала, как волна ярости захлестнула ее. Парень своим затуманенным взглядом, видимо, не сумел вовремя разглядеть признаки агрессии, проскользнувшие в лице спутницы, и напористо вскинул бедра, подаваясь в ее ладонь. Она одернула руку, с отвращением глядя на то недоразумение, которое собиралось отыметь ее. Сэм, Сэд, Сэс, а, к черту... пытался вернуться к прерванному занятию, но получил вместо планируемого минета четыре пылающие дорожки на лице от ее ногтей. От неожиданности он отшатнулся и, не удержавшись на ногах, уселся со всего маха на закрытую крышку унитаза.

– С ума сошла? – закрывая лицо рукой, выпалил он.

– Держись от меня подальше, – угрожающе процедила Милен сквозь зубы, брезгливо ткнув пальцем в его расхристанную грудь.

Выбежав из кабинки, она с такой силой захлопнула дверь, что, отскочив обратно, она еще долго вибрировала, напоминая обалдевшему горе-любовнику о ее недовольстве.

Мила выскочила из мужского туалета и, следуя каким-то непонятным ей сейчас ориентирам, вернулась за своей сумочкой. Стол выглядел как после побоища: вперемешку валялись недоеденные куски пиццы, смятые салфетки, шпатель с остатками канапе, в недопитом стакане виски плавали сигаретные окурки.

Бет с приятелем, имя которого она категорически не помнила, отсутствовали. Возможно, тоже придавались страсти в каком-нибудь темном закутке. Милу невольно передернуло. Она машинально раскрыла сумку, бросила на стол пару сотенных купюр и вылетела из битком набитого клуба.

Улица обняла ее уютной тишиной и прохладой. Шелест шин проезжающих автомобилей, голоса вышедших освежиться посетителей были словно прохладный бальзам на ее воспаленные тоннами киловатт музыки барабанные перепонки. Она запрокинула голову и прикрыла глаза, погружаясь в эти упоительные ощущения.

Милен прошла чуть дальше по улице, удаляясь от возбужденных голосов, достала из сумочки брелок, пытаясь вспомнить, где припарковала машину. Нажав на кнопку сигнала, увидела преданно мигнувшего ей габаритами золотистого красавца и уверенно двинулась через дорогу, пропуская проезжающие автомобили.

Откинув голову на подголовник, несколько минут сидела с закрытыми глазами. В голове шумело, но Мила не чувствовала опьянения. Эта нелепая сцена в клубном сортире окончательно привела ее в чувства. Она нажала «старт». Машина ожила, и тихий женский голос, доносившийся из динамиков, затянул что-то лирическое, вливаясь расслабляющим теплом в ее вены, вытесняя то брезгливое отвращение к себе, которое она испытывала почти после каждого такого «отрыва». Она знала, что всем им нужно. Чего все они от нее хотят. «Милен. Красавица Милен», – стучало в висках. Девушка поморщилась, пытаясь прогнать наваждение, и, выпрямившись на сиденье, неторопливо отъехала от бордюра. Уединенность, нежный голос, тепло и уют салона повергали ее в какую-то странную сомнамбулическую отрешенность, и она, гонимая своим демоном, включила автопилот, позволяя ему вести, как когда-то в юности, когда пыталась сбежать от проблем, от родителей, но прежде всего – от самой себя.

Мила пришла в себя лишь перед высокими коваными воротами, преградившими ей путь. Она с ужасом поняла, что приехала к «его» дому. Как ни гнала она сумасшедшие мысли, как

ни старалась не думать о Жане, ее так и манило на ту чертову кухню, в плен полумрака, в плен ее желания.

Ведь это из-за него она чуть не превратилась сегодня в шлюху. Эта мысль с новой силой скрутила все внутри.

Она вытащила из бардачка пульт и, открыв ворота, уверенно проехала вперед. Мила не думала о том, что Тереза может еще не спать, о том, что Жан мог остаться ночевать в своей городской квартире. Она, как мотылек, летела к своему пламени, зная, что это гибель, но подделывать уже ничего не могла. Милен чувствовала свободу. Свободу от условностей, норм приличия, морали...

В первый раз она испытала ее в четырнадцать, когда жевала в лицо отцу жвачку, которой ее угостили шлюхи в «обезьяннике»: жевала смачно, с открытым ртом, похабно причмокивая. Она знала, что перешла все границы, но ей было так мучительно радостно осознавать себя свободной. Ей казалось, что стало легче дышать, словно внутри все очистилось.

Не давая себе шанса одуматься, она стремительно прошла через холл на кухню и застыла на пороге, с вызовом глядя на темную фигуру, что резко вырисовывалась на фоне освещенного лунным светом окна. Жан обернулся на слабый шорох ее шагов и замер, разглядев ее в полутьме. От неожиданности взгляд его поплыл, и выражение лица стало изумленно-встревоженным. Губы слегка приоткрылись, словно в каком-то неозвученном призыве. Запах его замешательства мгновенно привлек ее демона, который все это время, как акула, кружил в пустынных мрачных водах ее сознания в поисках жертвы.

Она подошла ближе и положила руки ему на плечи, разглядывая его обычно беспристрастное лицо, на котором сейчас читалось мучительное напряжение.

Он всегда был очень сдержанным и сосредоточенным. От него исходили мощь и стать, а от его плавных неторопливых движений веяло сознанием силы. Она знала – такие сдержанные люди способны на безумства, какие даже не снились развязным красавчикам. Словно вулкан, что спал много столетий, извергаясь, разрушал целые города. И ей до одури хотелось испытать сокрушительную силу его нежности. Увидеть, как он сдастся ей. Она провела пальцем по его слегка приоткрытым губам, привстала на цыпочки и медленно, ласкаясь, потерлась кончиком носа о его подбородок, не смея прикоснуться к губам. Наслаждаясь его замешательством.

– Мила, – его горячее дыхание опалило щеку. Пальцы до боли впились в ее плечи, пытаясь то ли оттолкнуть, то ли удержать.

– Замолчи, – Милен снова взглянула ему в глаза. Она видела его разным. Чаще холодным и отрешенным, реже – заинтересованным и внимательным, но такой душевной наготы, как сейчас, не видела никогда. Он стоял перед ней весь из плоти и крови. Совершенно безоружный.

Вся та обида, ревность, что терзали ее весь сегодняшний вечер, испарились. Милен уверенно расстегнула пуговицы его пижамной куртки и запустила туда руки, оглаживая гладкую, почти безволосую грудь. Он вздрогнул в слабой попытке освободиться, но она не позволила.

– Ш-ш-ш, не смей сопротивляться мне, – шептала она, опаливая его кожу влажным дыханием.

Ладони скользнули вниз, сжимая его через тонкий шелк штанов, заставляя длинно и шумно выдохнуть. И тут же волна стыда и восторга залила краской ее лицо, накрывая с головой безудержной нежностью. Ее пальчики уверенно скользнули под мягкую резинку пижамных штанов и потянули их вниз, пока они не упали на его домашние туфли.

Милен в нетерпении царапала его грудь, скользила по ней губами, оставляя на коже влажную дорожку поцелуев. Опустившись на колени, уткнулась лбом в подрагивающий от предвкушения живот. Она начала двигаться, не спеша, обхватив ладонями его бедра. Еще недавно неподвижный, Жан вдруг ожил, запустив пальцы в ее волосы. Он больно оттягивал их, пытаясь перехватить инициативу. Мычал что-то невнятное сквозь сомкнутые губы, умирая в охватившей его жажде.

Когда захлестнувшее их безумие отступило, Мила с трудом поднялась на ставшие ватными ноги. Желание, которое еще несколько минут назад наполняло ее без остатка, сейчас быстро сменялось чувством жгучего стыда. Жан молчал и не шевелился, повергая ее своим равнодушием на самое дно отчаяния. И эта густая, раскаленная тишина выжигала ее легкие. Она с силой оттолкнула его и выбежала за дверь. Только выехав на оживленную дорогу, Мила немного пришла в себя.

Его холодность разбудила в ней женскую гордость, которая, смешиваясь с чувством стыда, вызывала едкую ревнивую злость. Лицо горело, а глаза жгли слезы, вынуждая ее остановиться.

Наконец, когда дорога смазалась в одну сплошную темноту со светящимися дорожками фонарей, она притормозила и медленно съехала на обочину.

Мила опустила стекло, жадно вдыхая прохладный ночной воздух. Она закрыла глаза, пытаясь сдержать слезы, но они упрямо текли по щекам. Она, как маленький ребенок, размазывала их по лицу вместе с косметикой, и через пару минут оно превратилось в обезображенную маску Джокера. Мила не видела себя, но чувствовала, как прекрасно уродлива сейчас.

Глава 8

– Господи, что у тебя с лицом? – брезгливо сморщилась Бет, проходя в слабо освещенную прихожую небольшой квартирки Милен.

– Я, вообще-то, спала, – буркнула та в ответ.

Пока подруга закрывала за собой дверь и прихорашивалась перед зеркалом, Мила с размаху шлепнулась на диван и, запрокинув гудящую голову на его широкую спинку, закрыла глаза.

– Не притворяйся, не так много ты вчера выпила, – бросила Бет, проходя мимо.

Захлопали дверцы кухонных шкафов, зазвенела посуда, и с каким-то сегодня особенно омерзительным звуком заработала кофемашина. Мила зажмурилась, пытаясь перетерпеть волну боли.

– Кофе подан, прошу за стол, – слишком громко позвала Бет.

Мила вздрогнула и открыла глаза. Сделав над собой усилие, она тяжело поднялась с дивана и раненой черепахой пошаркала к столу, за которым уже по-хозяйски расположилась Бетти. Милен опустилась на стул напротив и зло уставилась на подругу.

– Кофе пей, – усмехнулась та в ответ на укоризненный взгляд Милен, – остынет.

– Что ты вчера подмешала в то приторное пойло? По-моему, у меня провалы в памяти.

– Ничего не подмешивала, с чего ты взяла?

– У меня башка трещит, и я плохо помню, что вчера было. Ты же знаешь, я не дружу с наркотой.

– Да брось, какая наркота. Просто немного кодеина. Тебе определенно нужно было расслабиться.

– Немного кодеина? С ума сбрендила? Я чуть не трахнулась в сортире с тем недоумком, как там его Сэсил, Сирил?

– Ты поэтому ему рожу разодрала? – хитро улыбнулась подруга, прихлебывая кофе.

– Что, сильно разодрала? – с небрежностью поинтересовалась Милен. Она, конечно, помнила тот абсурдный инцидент в мужском туалете, но надеялась, что память просто выдала желаемое за действительное.

– Ну, недели на две он точно выпал из обоймы соблазнительей Парижа. Не переживай, поработает пока руками, – осклабилась Бет и поставила чашку на стол.

– Да, там есть над чем поработать, – ответила Милен. Брезгливо сморщившись, она сделала большой глоток кофе, словно пыталась запить им неприятные воспоминания, как горькое лекарство.

– Мне просто не верится, что ты не воспользовалась его вниманием, – осуждающе покачала головой Бетти. – Когда у тебя в последний раз были серьезные отношения? Да о чем это я, когда у тебя в последний раз был секс? – она попыталась взять подругу за руку, но Мила нервно отдернула ладонь и, порывисто поднявшись, отошла к окну.

Конечно, она могла сказать, что секс у нее был прямо-таки вчера, но весь ужас заключался в том, что произошедшее между ней и Жано прошлой ночью приводило ее в болезненное, высасывающие последние силы отчаянье. Она не могла об этом не то чтобы говорить – думать об этом не смела, изо всех сил надеясь, что это просто глюки на фоне приема того дерьма, которым так щедро ее вчера напоила Бет.

– Я правда волнуюсь за тебя, – голос подруги стал на редкость серьезным.

Милен понимала, что Бетти права. Но что она могла со всем этим поделать?

– У меня есть Поль, – она развернулась и присела на низкий подоконник. – У нас скоро свадьба, ты помнишь?

– Вот только не начинай снова про свадьбу, – Бетти смотрела подруге в глаза, ожидая, когда та перестанет ломать комедию. – Никто не спорит, что Поль – замечательный парень, но я же о другом. Неужели я не понимаю, для чего вам обоим понадобился весь этот балаган со свадьбой?

Мила опустила глаза, рассматривая свои босые ноги.

– Я не хочу об этом говорить, – отрезала она, когда Бет снова открыла рот с очередными доводами в пользу здоровых отношений.

– Я просто волнуюсь за тебя, вот и все.

Бетти встала из-за стола и, подойдя к окну, присела рядом с Милен.

– Я же вижу, с тобой творится что-то неладное. И не ври мне, что дело в скором открытии выставки или твоих отношениях с матерью. Ты знаешь, что можешь рассказать мне обо всем, – она смотрела на слепо уставившуюся перед собой Милу и ждала, когда она придет в себя. Давить было бессмысленно, Бет слишком хорошо ее знала.

– Не обижайся, – виновато ответила Мила и наконец подняла глаза на подругу. – Я пока сама не понимаю, что происходит.

– Я так и знала, что тут не обошлось без какого-нибудь холодного брутального красавчика, – воскликнула девушка.

– Эй, притормози! – предостерегла ее Милен от дальнейшего развития этой темы, – или вообще ничего и никогда не узнаешь.

– Что, даже на свадьбу не пригласишь? – ерничала подруга.

– Да какая там свадьба, – вздохнула Мила, снова потупившись.

«Башку бы не оторвали, и то хорошо...»

Не успела Бет закинуть очередную удочку, чтобы разговорить подругу, как в дверь настойчиво постучали. Мила так сильно вздрогнула, что по лицу Бетти расплылась злорадная улыбка:

– Это он?

Милен словно облили ведром ледяной воды, и она, выпучив глаза, оторопело уставилась на подругу. Ужас от мысли, что за дверью действительно мог быть «Он», отразилась гримасой страдания и растерянности на лице Милы. Не дав ей опомниться, Бетти со всех ног бросилась открывать.

– Бет, – срывающимся от волнения голосом крикнула ей вслед Милен и на негнущихся ногах засеменила по коридору.

«А, это ты», – услышала она раньше, чем успела дойти до двери.

В прихожей раздался голос Поля и звук приветственных поцелуев.

– О, господи... – выдохнула Милен.

Поль уже направлялся к ней бодрым шагом, но, увидев помятый вид невесты, встал как вкопанный:

– Что тут происходит?

С плохо скрытой брезгливостью он приблизился поцеловать ее. Чтобы не ранить его эстетические чувства, Мила подставила ему щеку и сразу направилась в ванную.

– Вот и правильно. Все утро уговариваю ее умыться, – бросила ей вслед Бет.

– Да уж, королева, – разглядывая себя в зеркале, произнесла вслух Мила. – Да, доктор... – вздохнула она и залезла в душ.

Через полчаса она вернулась в гостиную в белом махровом халате и с гладко зачесанными назад мокрыми волосами.

– Итак... чем обязана визитом? – уже совсем бодрым голосом спросила она Поля.

– Здравствуйте, – Поль обалдело уставился на нее. – У отца день рождения, забыла?

– День рождения? – тупо переспросила Мила, подавившись вдохом. – Почему ты не предупредил?

– В каком смысле «не предупредил»? Я тебя еще две недели назад предупреждал, а позавчера, между прочим, напомнил.

«Черт, вот почему автопилот привел меня вчера к поместью. По пьяной лавочке, видимо, вспомнились слова Поля о дне рождения отца. Да, ситуация. И как, интересно, ты сегодня заявишься на вечеринку? Здрасти, мол, с днем рождения. А подарок я еще вчера сделала».

– Просто... малыш, просто я, по-моему, заболеваю, – выпалила Милен первое, что пришло в ее чугунную голову. Она с надеждой посмотрела на сидящую на подоконнике Бет, которая с неподдельным интересом наблюдала за выяснением отношений. К ее довольной роже только попкорна не хватало, а так прям кино... – Бетти, собственно, из-за этого и пришла. Принесла мне противовирусное, – Милен подкрепляла зрительный контакт с подругой настойчивым киванием.

И Бет, несмотря на то что кино ей определенно нравилось, все же протянула:

– Да-а-а... именно, – и для пущей убедительности подняла вверх указательный палец. Правда, глаза от Поля отвела, боясь разрушить линию защиты неуместной улыбкой, которая так и дергала за уголки губ.

– Ты издеваешься? – Поль снова развернулся к Милен. – Мы же о помолвке хотели объявить. Я мать неделю уговаривал, чтобы она тетю Розу пригласила в другой день. Что, мол, в тесном семейном кругу хочется посидеть, Милен себя неловко чувствует в присутствии чужих.

Он переводил взгляд с Милы на Бет и обратно. Обе заговорщицы молчали. Ну, Милен понятно: жизнь ее была практически кончена. Оборвалась на самом взлете, и она как раз досматривала последние кадры своего никчемного существования, которые проносились со скоростью гоночного болида у нее перед глазами. А Бет просто боялась рассмеяться и тем самым нарушить шаткое равновесие в и без того абсурдной ситуации. Она, конечно, понимала, что, выручая подругу из такого, судя по всему, щекотливого положения, имела теперь над ней власть, которой, бесспорно, воспользуется, причем в самое ближайшее время. Решив, что все складывается для нее как нельзя кстати, она встала с подоконника и медленно направилась к пребывающей в прострации Милен, неподвижным каменным изваянием сидевшей на диване.

– У нее горло болит и голова. Я ее лекарствами напоила, надеюсь, она не разболеется окончательно, – Бетти заботливо обняла подругу за плечи. У Милен от этих объятий пробежали мурашки по спине. Она понимала, что эта расчётливая стерва своего не упустит, и ей дорого обойдется ее помощь. Но отступать было поздно, и она многозначительно закивала.

– Да вы шутите... – не унимался Поль. Он начал мерить комнату быстрыми нервными шагами. – Вы меня за идиота держите?

– Поль, милый, она приболела... – снова затянула Бет свою шарманку.

– Да что она «приболела», я и без тебя вижу. Я просто не могу понять, зачем было так напиваться, если ты заранее знала о празднике? – Поль впился недовольным взглядом в Милен, и ей ничего не оставалось, как собрать волю в кулак и посмотреть наконец ему в глаза.

– Я забыла, – честно призналась она в надежде, что правда как-то смягчит ее участь. Но Поль только еще больше вспыхнул:

– Ты что? Забыла? Мне так отцу и передать? «Папа, прости, что со мной нет Милен, она просто забыла про твой день рождения и в дрова нажралась в ночном клубе накануне». Так?

Милен хотелось провалиться сквозь землю, и бессилие от того, что ни Поль, ни Бетти не понимают, как ей сейчас тяжело, удручало. Она не могла без содрогания даже думать о Жане, а пойти на его праздник, улыбаться как ни в чем не бывало – было выше ее сил. Мила видела, что никакие ее доводы не смогут убедить Поля и пойти придется, но чувство самосохранения не давало понять очевидное, продолжая свои нелепые попытки съехать с темы.

– Поль, давай поговорим вдвоем. Не обижайся, – бросила она подруге и, взяв парня под руку, направилась в спальню.

Оставшись наедине, Милен с совершенно серьезным видом повернулась к Полю и, приложив указательный палец к его губам, чтобы он не перебивал, начала:

– Малыш, я знаю, что подвела тебя. Подвела нас, – исправились она, заметив его неодобрительный взгляд. – Я правда забыла, и это только моя вина, – она еще сильнее прижала палец к его губам, не давая потоку его возмущения вырваться наружу. – Позволь мне закончить, хорошо? Я плохо себя чувствую и точно не хочу в таком виде приходить в дом твоих родителей. Тереза боится заразиться, давай скажем, что у меня простуда, – с надеждой предложила она, но, судя по строгому взгляду Поля, идея ему не нравилась. Он убрал ее руку от своего лица и неожиданно жестко отрезал:

– У тебя два часа. Я пока съезжу заберу подарок.

Он не дал ей возможности сказать что-то еще и быстро вышел в коридор.

Через пару минут хлопнула входная дверь, и в комнату медленно вошла Бетти.

– Колись.

Она сложила руки на груди и, опершись плечом на дверной косяк, внимательно смотрела на растерянную Милу.

– Слушай, хоть ты не начинай, а, – раздраженно бросила та.

Она подошла к туалетному столику, схватила с него расчёску и начала водить ей по еще влажным волосам с такой силой, что с противным щелканьем от нее стали отлетать пластиковые зубья. Затем со злостью швырнула ее обратно на столик, сбив пару высоких склянок с кремом, и, упав на пуфик, закрыла лицо руками.

– Может быть, ты успокоишься и объяснишь наконец, что происходит? – совершенно спокойно сказала Бет, продолжая наблюдать истерику Милы.

– По-моему, мне крышка, – обреченно произнесла Милен, безвольно свесив голову, не зная, куда деть наполненные слезами глаза.

Бетти под села к ней на пуф, беспардонно пихнув бедром, заставляя подвигнуться.

– Ты знаешь, я та еще дрянь, но еще я – твоя лучшая подруга, – начала она. – Мы сестренки, помнишь? – она всматривалась в опущенное лицо Милы, пытаясь вызвать хоть какую-нибудь реакцию. И когда та, шмыгая носом, закивала, продолжила: – Нет ничего, что бы мы не сделали друг для друга. Ты знаешь, что твой секрет будет в безопасности, как в банковской ячейке.

Мила знала об этом и без напоминаний подруги, но весь ужас от того, что сейчас и Бет будет в курсе ее постыдного поведения, убивал.

– Слушай, так не пойдет. Ты вся на нервах. Давай поговорим, тебе легче станет.

– Я сделала то, чего никогда и ни при каких обстоятельствах делать было нельзя.

– Человека, что ли, убила? – с обидной снисходительностью уточнила Бетти.

– Я приехала к нему вчера ночью, – сбивчиво начала Милен, – ну и... – она вдруг закрыла лицо ладонями и разрыдалась, неслабо удивив подругу.

Та обняла вздрагивающую от рыданий Милу за плечи.

– Ну, ну... ты что? Переспала с отцом Поля, что ли? – нараспев уточнила она. – Думаю, что все не так страшно, – Бетти неуверенно улыбнулась. Она в первый раз видела подругу плачущей. – Я-то думала...

– Ты не понимаешь, – всхлипывала Милен.

– Ну, конечно, я не понимаю, – успокаивала подругу Бет, глядя ее по спине. – Он отец твоего жениха, а ты пьяная дура. С кем не бывает.

Бетти, как всегда, была сама тактичность, выбирая словечки «помягче», чтобы не ранить чувства Милы. Она знала, что та не терпела жалости к себе. Конечно, процесс поддержки подруги со стороны выглядел жестоко, но действовал безотказно.

– Да ты не понимаешь... – с новой силой завывала Милен. Она дергала плечами, стараясь сбросить с себя руки Бетти.

– Ш-ш-ш, ну не надо так, прости.

– Дело же не в том, что я с ним... что я ... а... – икала Мила. – Я же ... – и она разразилась новой порцией рыданий.

– Так, хорош. В конце-то концов. Мало того, что с бодуна, еще и припрешься на праздник с опухшими красными глазами.

Непонятно, что именно привело Милу в чувства, – то ли строгий тон подруги, то ли аргумент в пользу опухших глаз – но она тут же замолчала и, повсхлипывая и поикав еще минут пять, совершенно успокоилась.

– Все, актриса драмы и трагедии? – спросила Бет. – Успокоилась? А теперь по существу. Влюбилась, да?

Мила подняла на нее упреждающий взгляд и, опасаясь нового витка рыданий, Бет решила повременить с расспросами.

– Да ладно, я тебя в первый раз плачущей вижу. Не думаю, что все эти слезы из-за случайного перепихона.

Мила опустила голову, невольно соглашаясь с подругой.

– Так. Давай умойся, а потом я тебя накрашу так, что твой Ромео дар речи потеряет, – оптимистично заявила она.

Проигнорировав упрек во взгляде Милен, она все же вынудила ее оторвать задницу от пуфа и пойти умыться. После оценила площадь нанесенного неожиданной истерикой ущерба и с энтузиазмом, пугающим Милен до пустоты в животе, принялась к созданию образа юной, невинной Джульетты.

Через час с небольшим она придирчиво оглядывала результат своих трудов и, удовлетворительно кивнув, развернула подругу к зеркалу.

– Однако, – вырвалось у Милен. – По крайней мере, прибить за вчерашнее непотребство точно рука не поднимется.

Из зеркала на нее смотрела юная нимфа: свежая и невинная, чего она точно не могла сказать об оригинале. Но развить эту мысль до очередной слезливой драмы ей не дал звонок в дверь.

* * *

Всю дорогу до дома родителей Поль пребывал в раздраженно-задумчивом настроении. Он ни разу даже не взглянул на Милен, которая тоже была как тумане, срочно пытаясь настроиться на положительную волну. Но стоило ей вспомнить о виновнике торжества, как все ее потуги заканчивались дрожью в коленях. Не помогало даже успокоительное, которым напоила ее Бет.

Поля раздражало ее молчание, и в то же время он боялся, что она заговорит. Эта ее отрешенность в последнее время пугала его и радовала одновременно. Он влюбился. Влюбился, казалось, на всю жизнь. По крайней мере, такого с ним еще никогда не случалось, и этим он предавал ее – девушку, которая совсем скоро должна стать его женой. Это странное ощущение лжи, которого и в помине не было, когда они обговаривали все пункты своего договора, сейчас, как камень на груди, тянул его на самое дно отчаянья. Теперь он будет вынужден врать. Всем: и отцу, которому так стремился угодить, и матери, которая будет ждать от этого союза внуков, которых у нее никогда не будет. Милен, которую он, как ни странно, будет ненавидеть больше всех остальных. Даже больше отца, который, по сути, и толкает их сейчас к этому злополучному шагу. Ненавидеть за свою холодность, за свою неправильность. Ведь он не сомневался, что любил ее — тепло, нежно, но, когда собирался сделать следующий шаг в их отношениях, его будто клинило. Он всматривался в ее почти совершенное тело, ее красивое лицо, стараясь возбудить себя, но все эти потуги, в конце концов, вызывали лишь душное бессилие. Ему каза-

лось, что им просто нужно немного больше времени, и все придет: и желание, и страсть. Но сейчас, когда он встретил Эмиля, все это безумие, эта любовная горячка погребли под собой его надежды на тихую семейную жизнь. И осознание собственной «неправильности» снова, как много лет назад, стало тревожить душу, вызывая отторжение. Теперь Милен словно обличала его во лжи – во лжи себе самому. Она – которая ему ближе всех на свете, которая поймет и примет любым. Она – как напоминание о том, что он никогда не станет «нормальным». Она – рядом с которой он сейчас чувствовал себя как с кем-то, только что убитым им. И это отвратительное чувство презрения к себе растекалось внутри липкой лужей.

– Прости, пожалуйста, – прервал его рефлексия мелодичный голос Милы, когда они подъехали к высоким кованым воротам, за которыми их ждала так внезапно настигнувшая их судьба.

Она почувствовала отчаянное желание, чтобы кто-то защитил ее от безжалостно надвигающегося на нее возмездия. Как бы Жано ни вел себя сегодня, она все равно будет наказана. Наказана стыдом и презрением, именно тем, чего всегда так боялась. Ей отчаянно был нужен друг. Милен положила ладонь на руку Поля, сжимающую рычаг переключения скоростей, и с надеждой посмотрела на него. Он словно не слышал ее и, лишь подъехав к дому и заглушив мотор, наконец поднял на нее глаза.

– Я тоже волнуюсь, поверь мне, и не меньше, чем ты, хочу оказаться сегодня подальше от этого места. Но ты мне нужна. Ведь мы все обговорили, – он внимательно смотрел на Милу, словно искал в ее лице признаки сомнения. – Ты передумала?

– Нет, – вдруг вырвалось у нее, прежде чем она сумела понять, что, возможно, это был тот самый единственный шанс все исправить. Но Поль уже вышел из машины, и момент был безвозвратно потерян. Миле ничего не оставалось, как дожидаться, когда он заберет с заднего сиденья сверток и поможет ей выйти. Чертовы условности, как она ненавидела их. Она невольно вспомнила мать, которая всегда отличалась хладнокровием и ни при каких обстоятельствах не теряла лица. «Не теряла лица», – Милен усмехнулась.

– Что тебя так развеселило? – спросил Поль, услышав ее смешок.

– Ничего. Мать вспомнила.

– И? – не понял он.

– И думаю, что становлюсь похожей на нее. Мы поссорились, между прочим, в первый раз, и сейчас стоим здесь, совершенно не уверенные в том, что делаем, со вспотевшими ладонями, и пытаемся натянуть на себя маску любви и верности до гроба.

– Слушай, не начинай. Ну, пожалуйста, – он повернулся к ней и положил руку ей на плечо, – Мы оба волнуемся, но у нас ведь все получится? – Поль с надеждой всматривался в ее глаза, и Милен ничего не оставалось, как кивнуть в ответ и обнять его.

– Я люблю тебя, – прошептала она ему в шею, и тот страх, что железными тисками сжимал ее сердце, на время отпустил.

Поль постучал.

Милен вытянулась. Глубоко вдыхая и медленно выдыхая через плотно сомкнутые губы, пыталась вытеснить болезненный страх, который делал ее тело ватным.

Глава 9

– Поль, Милен, заходите скорее, – Тереза чуть не выбежала на крыльцо, подгоняя растерявшихся гостей.

Пока Поль обнимался с матерью, Мила, стоя за их спинами, пыталась подавить панику. Ее изнутри распирала странная жажда движения, словно механические действия могли хоть ненадолго заглушить пугающие мысли. Руки ее похолодели, но голова работала быстро и сумбурно, словно в горячке, отчего ей казалось, что у нее горит лицо. Но Бет постаралась на славу, похоронив это буйство чувств и красок под пуленепробиваемой маской невинной красавицы.

Когда Поль с Терезой наконец зашли в дом, Мила, набрав в грудь побольше воздуха, переступила порог, как своеобразную точку невозврата. Оттого что голова у нее сегодня была явно не в ладах с телом, она споткнулась, но чьи-то сильные руки подхватили ее чуть не у самого пола. Мила зажмурилась, вдыхая до боли знакомый терпкий запах парфюма, а тело предательски задрожало в крепких тисках рук.

– Осторожно.

Голос мсье Бушеми был абсолютно спокойным. Видя, что девушка уже вполне уверенно стоит на ногах, он поспешил отстраниться.

– Спасибо, – выпалила Милен, стараясь не смотреть на него.

«Черт, черт, черт», – выругалась она про себя, но, как ни странно, эта нелепая ситуация заставила ее на время забыть о мыслях, что еще недавно не давали ей дышать.

Она двинулась следом за Терезой и Полем, едва сдерживая желание рассмеяться.

Мила была неуклюжей, как утка, и если раньше это вызывало в ней взрыв смущения и досады, когда она в очередной раз спотыкалась, а еще хуже, падала под ноги понравившемуся мальчику, то сейчас воспринимала собственную нескладность как часть игры. Мужчинам нравится быть сильными, они любят женщин, которых нужно спасать. Эволюция тысячелетиями вытравила из них мужественность и охотничий инстинкт, но Милен знала: они все еще есть у них внутри. От этих мыслей ее бросило в жар, но не от смущения, от воспоминания. Ей завладела тайная надежда снова распалить его, вызвать чувства, которые – Мила была в этом уверена – Жан раньше не испытывал. Она бы никогда не отказалась от удовольствия увидеть его побеждённым.

Они прошли в розовую гостиную, которая нравилась Милен гораздо больше, чем любимая Терезой – голубая. Она была меньше и более уютная. Пара белых кожаных диванов вдоль стен, мраморный портал камина с множеством милых безделушек, круглый стол у окна, в центре которого стояла высокая ваза с потрясающими нежно-розовыми пионами. Солнце покрывало сусалью лепестки цветов, подмигивало солнечными бликами на золотой кайме фамильного фарфора и шелковой обивке стульев.

Стол был накрыт на четыре персоны, все так, как и планировалось ранее. Никаких неожиданностей быть не должно. Милен словно специально отмечала про себя детали: это это хоть как-то сдерживало ее волнение. И к тому времени, как Поль отодвинул ей стул, помогая сесть, она уже почти успокоилась.

Мила решила не придаваться меланхолии, тем более этот совершенно нелепый казус на пороге вернул ей присутствие духа. Наверное, уже ничего более абсурдного не могло с ней сегодня приключиться. Да и мсье Бушеми, судя по всему, был настроен дружелюбно.

Все расселись по местам. Тереза, как обычно, была само радушие и занимала присутствующих легкой, ничего не значащей беседой, одновременно давая указание Луизе насчет выноса блюд.

Жан выглядел сегодня необычно: никакого галстука, никакого строгого костюма. Он был в коричневом бархатном пиджаке, надетом поверх темно-серой рубашки. Мила уже видела его без галстука, когда из-за плохого самочувствия он несколько дней оставался дома, но сейчас это было совсем другое. Она, сама того не осознавая, украдкой бросала на него взгляды, пытаясь прочитать по абсолютно нейтральному лицу, что происходит в его душе, о чем он сейчас думает и думает ли о ней? Ее тайный взгляд скользил по его губам к подбородку, нырял в расстегнутый на несколько пуговиц ворот рубашки и останавливался на ямке у основания шеи, которая едва заметно дрожала, отсчитывая удары его сердца. Мир исчезал на миг, оставляя ее наедине с бьющейся под его тонкой кожей венкой. Но стоило ей опомниться и прийти в себя, как взгляд ее соскальзывал на белую шелковую скатерть и возвращался к тарелке с великолепным стейком из лосося. Это странное удовольствие смотреть на него украдкой повергало ее в экстаз. Особенно когда она чувствовала, что и его, казавшиеся бесстрастными, глаза начинали свой поход по ее лицу и тоже, не удержавшись, ныряли в вырез ее легкой блузки.

Мила была настолько поглощена этой незатейливой игрой, что вздрогнула от неожиданности, когда услышала голос Поля, обращенный к отцу. Она замешкалась, решая, стоит ли ей тоже подняться из-за стола и присоединиться к поздравлениям или момент безвозвратно упущен? Тогда ее подъем будет выглядеть так же нелепо, как падение в ноги имениннику, если не хуже. Тело ее то напрягалось, то снова расслаблялось. В приступе этой неожиданно нахлынувшей неуверенности снова задрожали колени. Пока она собиралась с мыслями, Жан уже всю оберточную бумагу, пытаясь достать подарок.

– М-м, этюдник? – протянул он обескураженно.

– Я подумал, может быть, ты снова начнешь рисовать, – улыбнулся Поль, заметив растерянность отца.

– Вы рисуете? – спросила Мила, наблюдая за тем, как он суетится с деревянным чемоданчиком, не зная, куда его деть.

– Рисовал, – поправил мсье Бушеми. – Это было очень давно, – едва заметная снисходительная улыбка на долю секунды вспыхнула на его губах и тут же испарилась. Он пристроил этюдник у ножки стола и наконец сел.

– Ох, не скромничай. Папа здорово рисует, – пояснил Поль для Милы.

– Было бы интересно взглянуть.

Жан буркнул что-то вроде «само собой» и поторопился наполнить свой бокал.

– За тебя, – кивнул сыну, сопроводив поднятый фужер очередной дежурной улыбкой.

Милена решила прервать паузу, грозившую вылиться в неловкую ситуацию:

– У меня тоже есть для вас подарок. Конечно, если бы я знала, что вы еще и художник, подарила бы вам набор красок, но надеюсь, он будет не хуже подарка Поля. Это один из ранних портретов Шиле. Я подумала, что он прекрасно дополнит вашу коллекцию.

Мила, конечно, понимала, что каждое слово, сказанное друг другу, имеет сегодня совершенно иной смысл. Она хорошо владела приемами игры, в которой двусмысленность была чуть ли не основным инструментом. Жано, как политик, тоже умело пользовался этим мастерством. Так что они могли сохранять анонимность, ничего не скрывая, говоря только на им понятном языке. Словно нашли способ прятаться за стеклянными стенами.

– Потрясающий автор, – поспешил ответить Жан, явно довольный тем, что тема с его рисованием закрыта. – Почему Шиле?

– Наверное, за его смелость. Шиле умер, когда ему было двадцать восемь, его жизнь оборвалась на взлете и, как бы ужасно это ни звучало, это хорошо. Ведь та смелость, о которой я говорю, признак молодости. Когда мы становимся старше, она превращается просто в хороший вкус. Картину привезут завтра. Не успели подговорить документы.

– Не страшно. Думаю, Шиле стоит того, чтобы немного подождать.

Насчет картины Мила, конечно, солгала. Нет, портрет был. Она не без труда устроила этот сложный тройной обмен, который в итоге делал ее обладательницей прекрасной работы практически за бесценок. Портрет должен был разместиться на одной из стен ее гостиной, но она чувствовала желание как-то компенсировать имениннику свое вчерашнее непотребство, и цена показалась ей вполне приемлемой.

Больше неожиданностей за столом не было, так как беседу в свои руки взяла Тереза, и, ловко обходя все неудобные темы, они плавно перешли к десерту.

– А почему врач? – спросила Милен именинника, когда после ужина все семейство перебралось в залитый солнцем сад и заняло круглую, выложенную из белого камня беседку, в центре которой стоял стол с легкими закусками и вином.

Жан, который, облокотившись на широкий бордюр, уже несколько минут смотрел куда-то вдаль, повернул к ней голову:

– У меня был выбор: либо юридический, либо медицинский. Я подумал, что два юриста в семье – это перебор, – он поднес к губам бокал и сделал небольшой глоток.

– Понимаю, – Мила улыбнулась и поспешила отвести глаза.

Она поставила свой фужер на стол и откинулась на спинку плетеного кресла. Тонкий невесомый тюль дрожал и перекачивался мягкими волнами от набегавшего теплого ветерка, смешиваясь с ароматами цветов и влажным запахом пруда. Тереза, как обычно, вспомнила очередную занудную историю, но никто ее особо не слушал, все трое лишь вежливо улыбались, когда ловили на себе ее взгляд.

Несмотря на царившее вокруг умиротворение, Мила чувствовала, что воздух пронизан беспокойством. Жан, облокотившись о широкие перила, вновь уставился вдаль. Поль в напряженной задумчивости поворачивал бокал из стороны в сторону, рассматривая солнечного зайчика, увязшего в вине. Она знала, у него не хватает смелости начать. И эта вынужденная пауза давала ей время насладиться последними глотками свободы. Как только Поль откроет рот, все, что с таким трудом наладилось между ней и Жаном, рассыплется прахом. Она еще ни разу в жизни так ясно не чувствовала остроты мгновения. Тонкую границу между хорошо и катастрофой.

Наконец Поль решительно встал, отчего вздрогнули не только Милен с Жаном, но и Тереза, запнувшись на полуслове, стала вглядываться в лицо сына с затаенным беспокойством.

– Прошу минуточку внимания, – голос Поля был суетливо громким, словно он давился воздухом. Он подозвал Милен и, обняв за плечи, продолжил уже спокойнее:

– Мы с Милой хотели сказать вам, что мы решили пожениться, – Поль улыбался, а Милен вдруг почувствовала на себе взгляд Жаном, и лицо ее превратилось в каменную маску. Она опустила глаза и смущенно прижалась к груди Поля.

– Ох, как здорово, – выпалила Тереза, разорвав повисшее в беседке напряжение.

Она поспешила к молодым и, обхватив по очереди их лица, поцеловала каждого в щеку. Поль был рад и с удовольствием обнял мать свободной рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.